

НУЛЕВОЙ

Роман Стомма
НУЛЕВОЙ

«Автор»

2026

Стомма Р.

НУЛЕВОЙ / Р. Стомма — «Автор», 2026

Москва давно поделена не на районы, а на уровни. Систему принесло вместе с концом света, и с тех пор всё живое здесь ранжировано, взвешено и посчитано — кроме одного человека. У Артёма Нулина нет уровня. Три года это было лучшей защитой, какая только бывает: Система не охотится на того, кого не может назначить целью. Он выжил в одиночку не потому, что так проще, а потому, что каждый, кто оказывался рядом, становился переменной, которую нужно просчитать. Так было, пока Краснов не начал забирать Серые пятна квартал за кварталом — и молчаливое правило «не высывайся» перестало быть щитом даже для нуля. У Артёма нет силы, чтобы остановить Краснова в бою. Есть другое: три года наблюдений за тем, как ошибается Система и как ошибаются те, кто ей служит. Чтобы этим воспользоваться, придётся впервые за три года подпустить кого-то ближе, чем на расстояние удара, — а он не умеет делать это бесплатно, даже когда выбора не остаётся.

© Стомма Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ПЕРВЫЙ НОЛЬ	6
ГЛАВА 1. СЛЕПОЕ ПЯТНО	8
ГЛАВА 2. СЛУХИ НА РЫНКЕ	13
ГЛАВА 3. ЧУЖОЙ ПРИЛАВОК	17
ГЛАВА 4. ВТОРАЯ ТЕНЬ	21
ГЛАВА 5. ОДИН МЕСЯЦ	25
ГЛАВА 6. СТАРЫЙ УЗОР	28
ГЛАВА 7. ПОМОГУТ УЙТИ	31
ГЛАВА 8. ТРИ МИНУТЫ	36
ГЛАВА 9. НАВСЕГДА МЕЖДУ НАМИ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роман Стомма НУЛЕВОЙ

Роман Стомма

Нулевой протокол

НУЛЕВОЙ

Книга первая

В этом мире у всех есть уровень. У Артёма Нулина его нет и уже не будет — Система обнулила его три года назад. Это делало его никем. Это же до сих пор держало его в живых.

ПРОЛОГ. ПЕРВЫЙ НОЛЬ

Панель зависла ровно на пять секунд. Я досчитал до пяти, хотя мог бы не считать — за три года это стало таким же рефлексом, как проверить входную дверь на два оборота.

Потом то же самое, что каждое утро.

УЧАСТНИК: НУЛИН АРТЁМ ВАСИЛЬЕВИЧ

УРОВЕНЬ: 0 [БЛОКИРОВКА: ПОСТОЯННАЯ]

КЛАСС: [НЕ ИНИЦИАЛИЗИРОВАН]

ОПЫТ: 0 / ∞

СТАТЫ: ОШИБКА_НУЛЬ

Третий год подряд одно и то же — и всё так же мигает, будто хочет сказать что-то ещё. Может, хочет. Может, обычный баг, который никто не удосужился починить: чинить ради одного человека в мире Система не станет.

Мигает — и гаснет.

Обычное дело.

За проломом в стене, где раньше было окно, тоже ничего нового. Шестой этаж панельки на границе Серяков, а внизу — то, что раньше называлось Садовым кольцом, а теперь никак не называется. Утром, если небо чистое, отсюда видно до самого центра — серая линия крыш без единого огня. Три года назад я бы сказал, что это красиво. Сейчас просто смотрю и иду дальше по делам.

Этажом ниже кто-то оставил на стене свадебные фотографии. Я проверял ту квартиру ещё в первую зиму, из чистого любопытства — искал не то дрова, не то повод отвлечься от того, что творилось у меня внутри головы в ту зиму. Не нашёл ни того, ни другого. Ничего не тронул. Не моя свадьба. Захожу туда иногда до сих пор, раз в несколько месяцев, без причины — просто посмотреть на людей, которых никогда не знал, в костюме и платье, которых давно нет ни на ком.

В Серяках вокруг меня живёт ещё человек тридцать — я примерно знаю, кто где, но обхожу квартиры по кругу, не задерживаясь: соседи в этом районе живут дольше, если не знают друг друга слишком хорошо.

Есть, впрочем, исключение: старик с пятого подъезда, имени которого я так и не спросил ни разу, каждое утро выносит на балкон стул и сидит на нём минут двадцать, глядя в одну и ту же сторону — туда, где раньше был парк. Парка давно нет. Стул есть. Я никогда не подходил спросить зачем — не моё дело, да и не факт, что ответ мне нужен. Просто отмечаю про себя: жив, сидит, значит, ночь прошла как обычно у обоих.

Правило простое. Каждое утро — один и тот же порядок проверки. Панель, потом окно, потом припасы: сколько воды, сколько еды, что портится быстрее остального.

Порядок не нарушаю.

Я давно заметил — те, кто перестают проверять по порядку, обычно перестают проверять вообще. Насовсем.

Это единственное, что я контролирую полностью, и, наверное, поэтому держусь за порядок сильнее, чем он того стоит.

Дни похожи один на другой, если считать в них нечего, кроме самих дней. Утро начинается с панели. Вечер — с блокнота, если день не был совсем пропащим. Между ними — то, ради чего вообще стоит вставать: вода, еда, маршрут, кто сегодня опаснее, чем вчера.

Блокнот я завёл через год после обнуления — настоящий, бумажный, нашёл в шкафу у бывших жильцов, вместе с полудетской ручкой в виде кота, у которой давно высохли усы-кисточка. Записывать баги Системы в саму Систему как-то не хотелось. Первую строку не переписываю и не поправляю, хотя почерк с тех пор стал только хуже:

«Если считать нечем, буду считать сам».

Там не только вода и маршруты. Три года наблюдений за тем, где Система спотыкается сама о себя: строчки, которые зависают на долю секунды, навыки, которые бьют мимо, хотя бить не должны. Для остального мира это баги, которые патчат за одну ночь. Для меня — единственное преимущество, которое никто не отбирает.

Сегодняшняя запись будет короче вчерашней. Чай кончился.

Не самая большая проблема на свете, но именно с неё начинается день, если остальные более-менее решены: вода есть, крыша не течёт, патрули последнюю неделю ходят по тем же маршрутам, что и всегда. Когда единственная проблема утра — это чай, значит, живёшь хорошо. По меркам Серяков это уже почти роскошь.

Три года я живу так, что взять с меня почти нечего и терять почти нечего. Наверное, поэтому до сих пор жив. Философия не самая тёплая. Работает она, впрочем, безотказно — я проверял её на практике куда больше раз, чем хотелось бы, и она ни разу не подвела, даже когда подводило почти всё остальное.

Сегодня она снова сработает. Я уверен в этом ровно настолько, насколько вообще можно быть уверенным, если у тебя нет будущего внутри Системы — только настоящее без обозримого конца.

Слои — термобельё, рубашка, куртка, цвета такие, чтобы не бросаться в глаза: серый, тёмно-зелёный, чёрный. Нож на поясе, под курткой, не напоказ.

Шрам на запястье левой руки — от стекла, ещё с Инициализации, мне было восемь, — иногда ноет на холод. Я давно перестал обращать внимание, разве что зимой, когда он ноет чаще, чем хотелось бы, и напоминает о вещах, которые я предпочёл бы забыть вместе с прежним именем этого города. Волосы стригу сам, раз в три месяца, ножницами, на глаз, не ради экономии, а из чистой скорости: зеркало в прихожей всё равно врёт, треснуло ещё при мне, второй год как.

Панель погасла. Чайник пустой, дальше только вода.

Иногда, не часто, но честно, накатывает мысль, что разговаривать мне в последний раз было не с человеком, а с чайником, который на это никак не реагирует. Мысль неприятная, и я не задерживаюсь на ней дольше, чем на скрипе половицы: жалость к себе в Серяках — не роскошь, а способ умереть на неделю раньше расписания.

Я застегнул куртку и снял рюкзак с крючка у двери. Не потому что решил куда-то идти. Потому что ещё в первую осень после обнуления решил выходить каждый день, что бы ни творилось внутри головы. Это оказалось единственным решением, которое меня ни разу не подвело — рюкзак снят, дверь на два оборота, и дальше уже не мысль, а просто ноги, которые знают дорогу лучше меня.

ГЛАВА 1. СЛЕПОЕ ПЯТНО

Дверь квартиры номер сорок три открылась без единого скрипа — я слишком долго над этим работал, чтобы она скрипела хоть когда-нибудь.

Дальше вниз по лестнице, вдоль стены, где ступени не гудят под ногами. Девятый этаж, седьмой, пятый. На четвёртом когда-то жила семья с ребёнком. У двери до сих пор стоят маленькие резиновые сапоги, ярко-жёлтые под слоем пыли, как музейный экспонат за стеклом. Я прохожу мимо каждый день и каждый день замечаю их заново.

Не по забывчивости.

Просто если перестанешь замечать такие вещи, однажды перестанешь замечать и всё остальное.

На площадке между этажами воздух всегда на пару градусов холоднее, чем в квартире, и пахнет сыростью бетона, которая никуда не девается уже который год. Летом это почти приятно. Осенью, как сейчас, просто напоминание, что зима будет длиннее, чем хотелось бы, и что дров на неё опять придётся искать заново — прошлогодний запас давно кончился.

Внизу, в разбитом вестибюле, четыре выхода вместо одного парадного — строители явно не думали, что через тридцать лет подъезд превратится в перекрёсток путей отхода. Привычка появилась не сразу: первый год я ещё позволял себе роскошь просто идти, куда идётся. К концу второго это прошло само, как проходит всё, что однажды чуть не стоило тебе жизни. Сегодня просто выхожу через тот, что смотрит во двор, а не на улицу, и даже не думаю об остальных трёх — они и так на месте, я бы почувствовал, если бы что-то было не так.

Двор, с той стороны, где утреннее солнце ещё не выжгло иней с проплешин асфальта. Здесь тихо, и это единственная причина, по которой я иду именно этим маршрутом, а не более коротким через Пролетарскую. Тишина почти всегда стоит десяти лишних минут.

Небо сегодня без обычной утренней дымки, редкость для конца осени, когда над Серьяками обычно висит смесь тумана и гари от печей, которые топят чем придётся. Видно даже верхушки высоток у Кольца, серые силуэты на сером фоне, будто кто-то забыл дорисовать им цвет. Оттуда, если верить слухам, Система работает иначе. Точнее. Щедрее. Милосерднее к тем, кто наверху таблицы.

Я туда не хожу. Смысла нет проверять слухи, которые всё равно не собираешься использовать.

На бетонном заборе школьного двора кто-то год назад вывел баллончиком старое название района — то, что было до Инициализации, крупными неровными буквами, уже наполовину смытыми дождями. Я его застал живьём буквально месяц, в первую осень, и почти забыл, как оно звучало, пока не увидел заново. Странное чувство — забыть название места, в котором родился, быстрее, чем название района, в котором выжил.

Цель на сегодня простая. Точка у трёх дворов, где Люба меняет заварку на батарейки, а батарейки на что угодно другое. Не сказать что я в восторге от похода — Люба торгуется так, будто каждая сделка последняя в её жизни. Но чай кончился, а без чая утро перестаёт быть утром и превращается в какой-то придаток дня без формы.

По дороге прохожу мимо ещё двух точек, которые давно занёс в блокнот как «условно безопасные»: заброшенная аптека, где иногда ночуют бездомные собаки, и колодец тепло-трассы, из которого зимой идёт пар, будто под землёй до сих пор топят старый котёл. Обе точки на своих местах. Обе молчат. Хороший знак — или просто обычное утро, которое ещё не решило, каким быть.

Точка у трёх дворов — сарай, вросший в землю за долгие годы, с проржавевшей крышей и вывеской «ПРОДУКТЫ», которую никто не потрудился снять. Люба сидит внутри на раскладном стуле, кутается сразу в два одеяла и торгуется даже с теми, кто ничего не покупает.

На полке за её спиной весь товар, который у неё когда-либо был одновременно: три банки тушёнки, моток проволоки, детская книжка без обложки и десяток батареек россыпью. Не магазин. Скорее музей возможностей, из которого можно уйти либо с чем-то полезным, либо ни с чем — заранее не угадаешь.

— Чая нет, — говорит она раньше, чем я успеваю поздороваться. — Второй день нет. Спроси у Клима, он вроде достал партию, да не факт, что поделится.

— А Клим где?

— Где обычно. — Люба щурится, оценивая меня цепким взглядом человека, который давно перестал верить в бесплатные разговоры. — Ты сегодня рано. Случилось что?

— Ничего не случилось. Кончился чай.

— У всех кончился. — Она хмыкает и поправляет одеяло. — Говорят, вчера в соседнем квартале опять шумели. Не наши вроде, кто-то новый. Ты поаккуратнее сегодня.

— Шумели — это как?

— А я откуда знаю. — Люба пожимает плечами, но глаза у неё при этом бегают в сторону, будто она знает больше, чем говорит. — Крики, потом тихо. Может, ничего. Может, не поделили территорию, дело обычное. Мне за погоду не платят, я варежки не вяжу для метеослужбы.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно, — беззлобно говорит она. — Но вид сделай, будто понятно, мне спокойнее.

Это она так шутит. За три года я выучил весь набор её присказок, и «варежки для метеослужбы» стоит где-то между «не мой цирк, не мои обезьяны» и молчаливым взглядом, означающим, что разговор окончен. Настаивать бессмысленно. Люба продаёт информацию так же неохотно, как отдаёт товар даром, и в обоих случаях чувствует, когда торг закончен.

Киваю, хотя «поаккуратнее» звучит как совет, которому легко следовать, если ни разу не сталкивался с реальной проблемой. Оставляю Любе половину батареек в счёт будущего чая — жест скорее вежливости, чем расчёта — и иду обратно тем же маршрутом, только длиннее: через пустырь у бывшей школы, где идти дольше, зато меньше глаз.

Пустырь — открытое пространство метров на семьдесят, дальше россыпь гаражей, за ней снова дворы. Обычно пересекаю его по диагонали, ближе к гаражам. Так меньше времени на виду.

Сегодня останавливаюсь у самого края.

На гаражах уже кто-то есть.

Трое. Стоят у крайнего гаража, не прячутся: значит, либо не ждут проблем, либо создают их сами. Панель фонит по каждому фону, без всякого усилия с моей стороны: 31-й, 27-й, 24-й. Не самая грозная компания по меркам Кольца, но здесь, в Серяках, этого более чем достаточно, чтобы забрать всё, что у тебя есть, включая жизнь, если она покажется им лишней деталью.

Тот, что повыше — 31-й — держит в руке моток верёвки, разматывает и сматывает обратно, от скуки, не по делу. Двое других сидят на снятой с петель гаражной двери, курят одну самокрутку на двоих.

Оружие у всех троих на виду, не спрятано: у высокого тесак на поясе и что-то короткоствольное в самодельной кобуре под мышкой, у сидящих — арматура, обмотанная у рукояти изолентой, и метательный нож у каждого, ещё один в паре сантиметров от голенища сапога. Верёвка, скорее всего, не для связывания дров. С таким набором либо охотятся на зверьё, либо на людей, а зверья крупнее одичавших собак в Серяках давно не осталось.

Дистанция до них — метров тридцать пять, может, чуть больше. Если сейчас развернусь и пойду спокойным шагом, у меня будет секунд восемь-десять форы, прежде чем кто-нибудь из троих решит, что я иду недостаточно спокойно. Не много. Достаточно, если не тупить.

— Говорю тебе, надо было честно поделить на троих, а не как в прошлый раз, — тянет один, обритый почти налысо.

— В прошлый раз ты сам всё продал, не дождавшись, пока мы посчитаем, — лениво отвечает второй, не отрываясь от самокрутки. — Ещё раз вспомнишь про «честно» — устрою тебе честно.

— Клещ, ты как обычно всё переворачиваешь.

— Гвоздь, скажи ему, — не поворачивая головы, откликается второй.

— Оба заткнулись, — говорит тот, что с верёвкой, не оборачиваясь. — Я слушаю.

Бритый бурчит про несправедливость мира и умолкает. Клещ пожимает плечами и щёлкает зажигалкой по новой, будто разговор для него уже закончился минуту назад.

Тишина. Потом снова тихий разговор — что-то про место, куда идти дальше, и про какого-то Батю, которому не нравится, когда опаздывают. Ничего важного. Обычная утренняя перебранка троих людей, которым скучно и нечем заняться, кроме как выяснять, кто кому сколько должен.

Гвоздь. Я слышал про него на рынке. Держит небольшую бригаду, работает по мелочи, но резко, и с теми, кто попадает под руку, не церемонится. Раньше он крутился ближе к Кольцу, не заходил так далеко в Серяки. Либо у него появились здесь дела, либо причины больше не выбирать.

У Клеща, кстати, кое-что странное с классом. Панель показывает уровень, но поле класса пустое, будто его забыли туда вписать. Я такое видел один раз, и то мельком. Файл на будущее — если будущее у меня сегодня случится.

Три на одного, и это ещё до того, как учитывать разницу в уровне. Невыгодная арифметика при любом раскладе.

Самый разумный вариант — тот, которым я обычно и пользуюсь: развернуться, уйти тем же путём, каким пришёл, и забыть, что вообще их видел.

Разворачиваюсь.

Под ногой хрустит стекло.

Звук небольшой, но в пустой утренней тишине разносится дальше, чем хотелось бы.

— Стоять! — гаркает Гвоздь, и все трое разом поворачиваются в мою сторону.

Поздно изображать, что здесь никого не было.

— Э, погоди, — шурится бритый. — Это ж тот самый. Нулевой.

— Да ладно тебе, сказки, — говорит Клещ, но привстаёт с двери.

— Мне нужны не сказки, а он живым и с руками, — отвечает Гвоздь. — За такого хорошо заплатят, если это правда он. Взять.

Секунду они не двигаются, все трое, будто до последнего надеялись, что я сам подойду и представлюсь. Не дождутся.

Считаю варианты. Их немного.

Бежать через открытый пустырь — то же самое, что бежать под фонарём. Три пары глаз, семьдесят метров дистанции и никаких укрытий, кроме гаражей, из которых они только что вышли. Вместо этого — направо, к пролому в заборе школьного двора, который я заметил ещё три месяца назад и ни разу не использовал.

Бегу.

Страх приходит с запозданием — не в момент, когда Гвоздь командует «взять», а секунд через пять, когда лёгкие уже горят, а сердце колотится где-то в горле. Не время бояться красиво. Время просто бежать.

Гвоздь что-то кричит — не разбираю слов, некогда разбирать. Топот сзади: тяжёлый, неровный, бегут все трое, и хотя бы один быстрее, чем хотелось бы.

Пролом — узкая щель между листом ржавого железа и остатками кирпичной кладки. Протискиваюсь боком. Здесь никто крупнее меня не пройдёт быстро.

За спиной резкий свист, будто нечто метательное рассекает воздух, и сухой удар о кирпич там, где я был секунду назад.

— Он что, не цепляется?! — орёт бритый позади, зло и растерянно.

— Бей ещё раз!

Второй бросок снова мимо, хотя я не делаю ничего особенного, просто бегу, не по прямой, петляя между остовами машин на школьном дворе, которые не двигались с места, кажется, с самой Инициализации.

Я не останавливаюсь, чтобы понять, почему промахи повторяются. Понимание подождёт до момента, когда меня не будут пытаться убить.

Третий — тот, что помоложе, без имени, — срезает путь через провал в школьном заборе, который я привычно обхожу, потому что за ним начинается яма, засыпанная строительным мусором наполовину. Он либо не знает про яму, либо знает и всё равно рискует. С грохотом падает в неё по колено, матерится, но тратит на это едва ли три секунды и снова оказывается почти вровень со мной, срезав добрую половину моего преимущества в дистанции.

Прямая дорога к пролому в заборе теперь закрыта. Он выйдет к нему раньше меня. Приходится брать левее, к спортивной площадке, которую я знаю хуже, чем хотелось бы. Заходил сюда раза три за три года, в основном по случайности.

Плохо.

Лёгкие горят, во рту привкус металла, тот самый, что появляется, когда бежишь дольше, чем тело готово терпеть молча. Ноги уже не спрашивают разрешения у головы, просто продолжают переставляться, потому что останавливаться сейчас означает не останавливаться уже никогда.

Дальше — стена спортзала, наполовину обвалившаяся, и я карабкаюсь по ней там, где кирпичи выщерблены настолько, что превратились в подобие лестницы. Наверху, у самого края, кто-то хватает меня за край рюкзака — цепкая рука, рывок назад, и на секунду кажется, что дальше я никуда не денусь.

Лямка рвётся.

Рюкзак остаётся у него в руке. Я уже по другую сторону стены, на присыпанной битым стеклом крыше пристройки. Больно, коленом о шифер, но это не считается, если можно бежать дальше.

С крыши на козырёк соседнего подъезда.

Оттуда вниз, в узкий проход между двумя панельками, где двоим взрослым мужчинам плечом к плечу не протиснуться при всём желании.

Ещё один бросок сзади. Мимо.

Ещё один рывок вперёд — и голоса позади становятся тише, потом глуше, потом их вообще не слышно за углом.

Останавливаюсь только через два двора, за грудой ржавых труб, которые здесь лежат, кажется, с прошлого века. Сердце колотится так, что я слышу его громче недавних криков. Дышать тяжело. Ноги дрожат — не от страха, страх был там, на пустыре, а просто потому что три года на подножном корме не делают из тебя спринтера.

Жду. Слушаю.

Отсюда виден кусок школьного двора — далёкий, безопасно далёкий. Никого. Значит, ушли, или потеряли меня, или решили, что рюкзак с половиной батареек и запасной флягой не стоит того, чтобы гоняться дальше. Вариант с флягой мне нравится больше остальных.

Смеюсь — коротко, на грани икоты, скорее судорога, чем смех. Живой человек так не смеётся, только тот, кто минуту назад думал, что не будет.

Проверяю себя по порядку: колено разбито через штанину, будет синяк размером с ладонь, но кость цела. Ладони ободраны о кирпич. Дыхание постепенно выравнивается, хотя руки всё ещё подрагивают.

Живой. Это главное. Остальное уже детали.

То, что только что произошло, не история про везение. Про везение я бы рассказывал иначе — как чудом успел, как в последний момент. На деле каждый промах, который они списали на кривые руки, был ошибкой в одной-единственной строчке Системы — той, что должна назначать меня целью, но раз за разом сама себя обнуляет на долю секунды. Я нашёл это не случайно. Я три года читал баг-репорты, которые никто, кроме меня, не читает, потому что читать их, в сущности, некому. Я единственный, у кого есть причина искать дыры именно в этом месте.

Это не делает меня сильным. Три поворота назад, если бы вместо арматуры у Клеща в руках оказался лук, а рука не дрогнула бы от неожиданности, — я бы сейчас не сидел здесь и не считал ссадины. Ошибка Системы даёт мне долю секунды невнимания к себе, не броню и не скорость. Всё остальное я по-прежнему делаю ногами, головой и тем, что успел заметить заранее.

Про пустое поле класса у Клеща я так до конца не разобрался. Впишу в блокнот вечером, вместе со всем остальным. Одной странностью в мире, где всё и так через раз работает неправильно, больше или меньше — какая, в сущности, разница.

Чай сегодня раздобыть не вышло. Рюкзак тоже, вместе с половиной батареек и флягой, которая мне, честно говоря, нравилась. Не самый удачный обмен. Несколько минут покоя за месяц мелких неудобств.

Но вот что не даёт покоя больше рюкзака: Гвоздь работал у Кольца. Ближе к Кольцу, не здесь. А теперь здесь — трое, середь бела дня, не таясь, будто имеют полное право. Люба говорила про шум в соседнем квартале и про кого-то нового.

Может, это совпадение.

Я не верю в совпадения так же сильно, как не верю в везение. Но сегодня решать это некому, кроме меня, а решать на бегу с разбитым коленом — плохая идея. Отложу до вечера, до блокнота. Запишу между чаем, которого не будет ещё день, и полем класса, которого не должно быть вообще.

Дома разберусь. Дома всегда есть время подумать — этим Серяки отличаются от того пустыря, на котором я только что чуть не потерял значительно больше, чем флягу.

До квартиры сорок три ещё минут двадцать хода, если идти обычным темпом и не срезать через дворы, которые сегодня почему-то оказались не такими пустыми, как обещали с утра.

Иду обычным темпом.

Срезать больше не тянет.

ГЛАВА 2. СЛУХИ НА РЫНКЕ

Блокнот вечером получил три новые строчки и ни одного ответа на них. Гвоздь — не у Кольца, а в Серяках, средь бела дня. Пустое поле класса у Клеща. И отдельным пунктом, без знака препинания в конце: шум в соседнем квартале, кто-то новый, по словам Любы.

Дописал и долго смотрел на кошачью ручку, которой писал первую строчку в этом блокноте три года назад. Усы у неё давно высохли. Само перо ещё пишет — не знаю, что сотрётся раньше, чернила или мои собственные способности разбирать, что именно я тут накарябал в темноте при свече.

Ночь ничего не сложила.

Утро дало повод сходить и спросить ещё раз. Рюкзак с половиной батареек и флягой я вчера отдал за то, чтобы уйти оттуда на своих ногах, а без заварки утро второй день подряд не похоже на утро.

Иду знакомым маршрутом, не тем длинным, через пустырь у бывшей школы. С пустырём разберусь позже, когда будет что о нём знать, а не наоборот.

Серяки с утра тихие тем особым образом, каким бывают тихими места, где все заняты одним и тем же — экономят дрова, экономят слова, экономят надежду, что сегодня будет как вчера.

Иней уже сошёл с асфальта. Воздух всё равно держит вчерашний холод про запас, будто не доверяет солнцу.

Рынок — громко сказано про три десятка точек вдоль бывшей трамвайной ветки. Зато здесь можно услышать сразу несколько версий одной новости и сравнить, где они расходятся.

Сегодня версий явно меньше, чем обычно. Половина прилавков вообще не открыта, и это не праздник и не выходной — просто хозяева решили, что дома сегодня спокойнее.

Не то чтобы кто-то объявлял тревогу.

Те, кто вышел, разговаривают тише привычного и чаще посматривают в сторону дальнего конца ряда, будто оттуда вот-вот должно что-то прийти.

Люба сегодня не торгуется.

Это первый признак того, что дело серьёзнее шума в соседнем квартале.

— Заварка есть, — говорит она, не дожидаясь вопроса, и кладёт на прилавок мятую пачку так, будто не она полдня выменивала эту пачку у кого-то ещё. — Бери так. Потом посчитаемся.

— Люба, ты мне никогда ничего не отдавала так.

— Значит, время такое. — Она поправляет одеяло на плечах и понижает голос, хотя рядом никого нет, кто мог бы услышать. — Краснов трибун объявил. На Серые пятна. На нас, если по-простому.

— Когда.

— Позавчера ходили, вчера ещё раз, для тех, кто в первый раз не понял. По точкам. Трое, оружие не прячут, объясняют вежливо один раз.

Спрашиваю про долю — привычка считать раньше, чем чувствовать. Люба цифру не называет, только проводит рукой поперёк прилавка, отсекая едва ли не треть.

— Сколько точно — никто не говорит. Зависит от точки, от товара, от настроения того, кто в этот раз придёт забирать. Хуже другое: сказали, теперь это каждую пятидневку. Не разово откупились — и живи. Насовсем.

— И что будет тем, кто не заплатит.

— А ты как думаешь. — Люба смотрит на меня так, будто вопрос был лишним. Он и правда был. — Один со Стрелецкой сказал, товара на копейки, забирать нечего. Точку сожгли. Его самого не тронули — умеют показать, что не звери, а просто хозяева. Страшнее, чем если бы тронули.

Записываю это не в блокнот, блокнот дома, а в ту часть головы, где держится всё, что требует разбора немедленно, а не вечером.

— Трое, говоришь. Оружие на виду.

— Тесак, что-то короткое под мышкой, у остальных по мелочи. — Люба щурится. — Тебе зачем в подробностях. Ты ж не боец.

Не поправляю её насчёт того, кто я. За три года она так и не спросила напрямую, а я так и не соврал — просто ни разу не ответил на вопрос, которого не задавали. Устраивает обоих.

— Приметы какие-нибудь, кроме тесака.

— Один верёвку крутил в руках, пока говорил, — от скуки, не по делу. Я из-за этого и запомнила: руки заняты, а глаза нет, всё по прилавкам считают.

Верёвка от скуки в руках — не улика, не подпись под протоколом. Вчера у гаражей тот же жест держал тот, кого называли Гвоздём: моток то разматывал, то сматывал обратно. Совпадением это тоже бывает.

Просто я второй день подряд не верю в такие совпадения.

Рабочий вывод, не факт: тройка у гаражей вчера и тройка, обходившая точки позавчера и накануне, — не обязательно одни и те же люди, но одна и та же работа. Сперва прошлись и посмотрели, что тут вообще есть смысл отжимать. Потом пришли с условиями. Ложится ровно, как бывает у Краснова.

Люба замолкает на середине фразы про заварку и смотрит мимо меня, за плечо, туда, где вдоль рядов не спеша идёт кто-то в тёмном.

Интерфейс срабатывает раньше, чем я успеваю разглядеть лицо. Фоновое считывание чужого уровня работает без моего участия — и выдаёт число, от которого прилавков вокруг будто на секунду становится меньше. Сорок четвёртый.

Никакой охраны рядом. Никто не расступается нарочито, никто не кланяется. Просто разговоры становятся тише, а руки — заняты делом, которым только что заняты не были.

Фигура проходит между рядами, ни на ком не задерживая взгляда. Через несколько шагов я уже не могу с уверенностью сказать, во что она была одета. Есть лица, которые забываются в процессе того, как на них смотришь, — похоже, это одно из них.

— Не смотри так, — тихо говорит Люба, когда чужие шаги стихают. — К нам они никогда не заходили, и лучше бы не начинали.

— Кто это.

— Серые. Кличут Ниткой. — Люба возвращается к прилавку и делает вид, что перекладывает батарейки, хотя перекладывать их некуда. — Больше не знаю и знать не хочу. Товар у них другой. Не батарейки.

Про Серых я слышал раньше — фракция, которая торгует тем, что нельзя пощупать, и, говорят, честнее многих, кто торгует осязаемым. Про Нитку слышал только имя, без лица, без истории.

Теперь есть число сорок четыре и десять секунд, которые я не могу восстановить в подробностях, сколько ни старайся. Может, в этом и есть их фирменный товар: не сами сведения, а то, что после разговора с ними невозможно вспомнить точно.

Ухожу от Любы с заваркой за пазухой, и не сказать, что ясности прибавилось. Люба неожиданно идёт следом — не к прилавку возвращается, а именно следом, — и впервые за всё это время провожает меня хотя бы на несколько шагов дальше своей точки.

На третьей точке от её сарая — там, где обычно торгует Фаина, меняя ношеную одежду на еду и заодно пересказывая половину рыночных сплетен, — сегодня пусто. Не «нет товара». Нет вообще ничего: ни прилавка, ни стула, ни самой Фаины. Только два свежих следа от ножек стула на утоптанной земле и обрывок целлофана, зацепившийся за гвоздь в стене сарая.

Останавливаюсь на секунду дольше, чем нужно.

— Съехала, — говорит Люба, будто прочитала вопрос, хотя я его не задавал. — Позавчера ещё. Тележку набила под завязку, дочку за руку — и в сторону Измайлова, у неё там вроде родня по мужу.

— Из-за трибута.

— А из-за чего ещё. Прикинула, видно, что тридцать лет на одном месте не стоят того, чтобы теперь ещё и платить за это же место втридорога. — Люба пожимает плечами, но в голосе не осуждение, а что-то похожее на зависть. — Ей хорошо. Есть куда ехать. У меня вот некуда, и у половины ряда тоже.

Не спрашиваю, куда поехал бы я сам, если бы было куда. Ответ был бы примерно тем же, что у Любы, только без родни в Измайлове.

— Ладно. — Люба останавливается, будто дошла до невидимой границы, дальше которой провожать не полагается. — Иди уже. И зайди через недельку, я тебя тут не видела три дня, а мне, между прочим, скучно бывает.

Впервые за три года она произносит это вслух, а не выражает тем, что оставляет мне лучший кусок из-под полки.

По пути мимо рядов — прилавков, на котором ничего не изменилось с прошлой недели: те же три пластинки без проигрывателя, разложенные веером, будто кто-то всё ещё надеется, что покупатель придёт вместе с электричеством девяностых. Хозяин прилавка дремлет на табурете, зная, наверное, не хуже меня, что не продаст ничего сегодня.

Прохожу мимо не в первый раз и, кажется, буду проходить ещё не раз — этот угол рынка каким-то образом успокаивает ровно тем, что в нём ничего не происходит.

Батарейки решаю поискать у Стёпы. Он держит лоток дальше по ряду, ближе к повороту, где трамвайная ветка когда-то сворачивала к депо, и четыре года каждая моя батарейка так или иначе идёт через него.

Лично мы не разговаривали ни разу — обмен всегда шёл через записку и монеты в жестянке. Вживую Стёпа оказывается меньше, чем я его себе представлял по этой жестянке: невысокий, жилистый, с редкими волосами, которые он даже не пытается уложить, в рабочей куртке и фартуке с рассованными по карманам инструментами.

Голову держит опущенной, будто изучает собственный прилавок. Судя по тому, как он поворачивается на мои шаги раньше, чем я успеваю поздороваться, лица ему для узнавания не нужны.

— Батарейки, — говорю вместо приветствия, раз он сам предпочитает без него.

— Какие.

— Любые, что есть. И моток тонкого провода, если найдётся.

Стёпа молча выкладывает три вида батареек на потёртую тряпку. Ни одна упаковка не подписана, но раскладывает он их так, будто читает этикетки, которых на них нет. Провод достаёт из-под прилавка, отматывает ровно сколько нужно, ни на палец больше.

— Долго спишь, — говорит он, не поднимая головы. — Люди твоего профиля обычно приходят с утра, пока разбор не начался.

— Задержался. У Любы.

— Тогда понятно. — Он впервые поднимает глаза, коротко, будто сверяет что-то с тем, что уже знал заранее. — Слышал, значит.

Киваю, не уточняя, что именно слышал. Судя по тому, как Стёпа формулирует вопрос заранее и один раз, разворачивать ответ подробнее ему не нужно.

— У меня северные точки третий день молчат, — говорит он ровным голосом, каким другой сказал бы про погоду. — Не хуже обычного — вообще ничего. Ни партии, ни отказа, ни причины. Раньше так было один раз за четыре года, и тогда точку просто заняли.

— Заняли кто.

— Тогда не узнал. — Стёпа завязывает провод узлом, хотя я не просил. — В этот раз, может, узнаю, может, нет. Разница в том, что сейчас молчат сразу двое из троих, с кем я обычно имею дело. Один — мало ли. Двое сразу — уже не совпадение, а рисунок.

— Думаешь, тот же трибут, что и здесь.

— Не думаю. Считаю. — Он впервые за разговор смотрит на меня чуть дольше секунды. — У всех есть повод перестать отвечать на звонок. Даже у тех, кто уверен, что такого повода у них нет и быть не может. Вопрос только, чей это повод в этот раз — их собственный, или кто-то создал его за них.

Забираю батарейки и провод, оставляю в жестянке чуть больше монет, чем спрашивал прайс. Не милостыня — плата за то, что сказано было больше, чем обычно говорят за размен товара.

— Если точки не оживут — что делать будешь.

— Искать других. — Стёпа снова опускает голову к прилавку, разговор для него закончен. — Вопрос не ко мне, а к тебе — что делать будешь ты, когда батарейки у тебя закончатся, а взять их будет негде.

Иду обратно вдоль рядов и складываю утро в одну строчку.

Первое: Краснов объявил трибут на Серые пятна. Не слух — факт, подтверждённый тремя визитами по точкам.

Второе: вчерашняя тройка, похоже, была разведкой перед этим же визитом. Не доказано. Совпадений для одной недели многовато.

Третье: северные точки Стёпы молчат, две из трёх сразу. Раньше такое означало одно — точку заняли.

Три факта, ни один не тянет на панику в отдельности. Вместе они означают, что чужая вчерашняя проблема у гаражей сегодня дотянулась до полки с батарейками, а значит, рано или поздно дотянется и до меня напрямую — просто по счёту дней.

Про Нитку и её сорок четвёртый уровень в эту строчку не вписываю. Не потому что неважно — потому что пока не знаю, куда её вписать.

Фракция, которая торгует информацией, идёт по рынку в разгар слухов про трибут. Можно счесть совпадением. А можно — тем, что информация здесь уже стоит дороже любого товара на любом прилавке.

До подъезда добираюсь длинным путём, привычным с сегодняшнего утра: ни одного двора, ни одного пустыря, только улицы, где видно на два поворота вперёд.

Заварка греет карман сильнее, чем должна бы такая мелочь. Список вопросов в голове длиннее списка покупок.

Дом на месте.

Разбитый вестибюль встречает тем же сквозняком, что и всегда, и я иду через него, не считая ничего, просто иду — сегодня не тот день, чтобы искать опасность там, где её пока нет.

На четвёртом этаже, где до сих пор стоят чужие жёлтые сапоги под слоем пыли, останавливаюсь на секунду дольше обычного. Не потому, что вижу что-то новое.

Потому что впервые за три года ловлю себя на мысли: Серяки — не то место, где меня не заметят. То место, до которого просто не успели дойти раньше.

ГЛАВА 3. ЧУЖОЙ ПРИЛАВОК

Порядок проверки не изменился за три года: панель, окно, припасы. Сегодня на припасах спотыкаюсь.

Батареек в жестянке — три. Позавчера было шесть, и это не считая тех, что ушли на фонарь, пока разбирался в темноте с щеколдой, которая опять разболталась на морозе. Разбирался дольше, чем следовало. Часть жизни — как раз такие расходы, которые незаметны по одному и заметны, когда достанешь жестянку и вместо привычной тяжести чувствуешь, что она гремит слишком звонко.

Рядом с жестянкой, в той же нише за отставшей плиткой, лежит моток изоленты, огарок свечи и складной нож, который так ни разу и не открылся: не из жалости, а просто не было случая, где обычный, уже имеющийся на поясе нож почему-то не годился. Иногда достаю его просто посмотреть, как достают вещь, которая ничего не решает, но почему-то важна тем, что вообще есть. Сегодня не тот вечер. Убираю нишу обратно за плитку и возвращаюсь к тому, что действительно требует решения.

Три штуки — это неделя, если экономить. Меньше, если вечера станут длиннее, а к декабрю они станут — тут можно не считать, чтобы понять.

Неделя. Не месяц.

У Стёпы был не только товар, но и разговор напоследок, который я всю неделю старательно не вспоминал: что делать будешь ты, когда батарейки у тебя закончатся, а взять их будет нигде. Тогда прозвучало как риторика человека, который любит подпустить смысла в размен товара. Сегодня звучит как календарь.

Иду знакомым маршрутом. Ничего нового: тот же иней по утрам, та же тишина, в которой Серяки экономят на всём, включая звук собственных шагов. Небо сегодня без просветов — не дождь ещё, но уже не то небо, что обещает солнце.

У аптеки, которую я держу в блокноте как условно безопасную, дверь снова подпёрта куском арматуры. Значит, там опять ночевали собаки, значит, там опять был кто-то живой и осторожный. Мелочь, которая ничего не меняет в моём маршруте, а всё равно радует, что она на месте, — будто мир хотя бы в одной детали ведёт себя так, как договаривались.

Ряды рынка сегодня многолюднее обычного, не праздник, просто будний день без особых причин прятаться по домам. Иду мимо прилавка с пластинками без проигрывателя — хозяин, как всегда, дремлет, — мимо ряда, где меняют одежду, мимо пустого места, где раньше торговала Фаина и где теперь навалены чьи-то ящики без хозяина рядом.

Дальше по ряду, у поворота на бывшее депо, — Стёпин угол.

Не Стёпин.

На знакомом месте, за тем же дощатым прилавком, — незнакомый мужчина лет тридцати, в чужой явно с чужого плеча куртке, раскладывает вязаные носки и десяток мятых консервных банок без этикеток. Ни жестянки для монет. Ни аккуратного ряда батареек без подписи, которые Стёпа раскладывал так, будто читал этикетки, которых там не было.

Останавливаюсь дальше, чем нужно для разговора, — привычка, а не расчёт, отсюда виден весь прилавок и оба соседних, и это единственное, что я в моменте успеваю прикинуть, прежде чем подойти.

— Батарейки есть? — спрашиваю, как будто не вижу, что здесь их давно нет.

— Не по адресу, — не поднимает головы мужчина, поправляя носки, будто симметрия важнее ответа. — Носки, банки. Остальное — не ко мне.

— Раньше здесь был другой человек. Стёпа.

Мужчина замирает на секунду дольше, чем нужно, чтобы услышать простой вопрос. Потом снова берётся за носки.

— Не знаю никакого Стёпу.

— Знаешь. — Не вопрос. — Меня не интересует, что случилось, мне нужно понять, куда теперь идти за батарейками.

— Слушай. — Он наконец поднимает взгляд, и в нём не наглость, а усталость человека, которому чужие проблемы сегодня уже надоели раньше полудня. — Место было свободно. Мне сказали, что свободно, я встал. Больше я ничего не знаю и знать не хочу, понял? Меньше знаешь — дольше стоишь на месте, не сгоняют.

— Кто сказал, что свободно.

— А ты сам как думаешь. — Он мотает головой в сторону прохода между рядами, туда, откуда доносится обычный рыночный гул, ничем не примечательный. — Пришли, сказали: тут теперь торгуешь ты, если хочешь. Я не спрашивал документы на аренду. Свободное место на рынке в Серяках на дороге не валяется, я два года такое ждал.

— Двое, трое? Оружие видел?

— Я на оружие не засматриваюсь, оно потом снится. — Мужчина щурится, впервые смотрит на меня чуть дольше секунды, будто прикидывает, стоит ли отвечать дальше. — Трое, кажется. Один помоложе, всё больше молчал, двое разговаривали. Мне без разницы, сколько их было, — место дали, я взял. Не мне их считать.

Не уточняю дальше. Молодой, что молчал больше остальных, — примета такая же бесполезная, как большинство примет на этом рынке, но я всё равно откладываю её в ту часть головы, где держатся детали без немедленного применения.

Спрашиваю, не тронули ли самого Стёпу — не жду доброго ответа, просто вопрос уже стоит в горле и деваться ему некуда.

— Живой ушёл, вроде, — мужчина пожимает плечами так, будто вопрос о чужой жизни занимает его примерно как погода позавчера. — Не при мне было. Говорят, не сопротивлялся, забрал что смог унести и всё. Умный, значит. Кто сопротивляется — тех потом на месте не спрашивают, ушли они сами или нет.

Это не облегчение. Это просто чуть меньше тяжести, чем могло бы быть.

Живой — уже немало.

— Спасибо, — говорю, хотя не уверен, что это то слово.

— Не за что. — Он уже снова смотрит на носки. — И вот тебе бесплатно: за батарейками теперь только к перекупам у Кольца, или жди, кто новый здесь оседет. Я такое не вожу.

Люба на своей точке — сама не своя, режет что-то на верстаке резче обычного, будто нож должен отвечать за чужие решения. Замечает меня, кивает в сторону Стёпиного угла коротким, понимающим движением подбородка, уже знает, что я уже знаю, и не зовёт подойти. Один раз за три года мне достаточно её взгляда без единого слова, чтобы понять: разговор был бы одним и тем же, просто длиннее и без пользы.

Не подхожу. Иногда лучшая любезность — не заставлять человека произносить вслух то, что и так понятно обоим.

Обхожу ещё три точки на всякий случай — на тот шанс, что где-то завалялся случайный запас, оставшийся с прежних времён. У одной торговки есть три батарейки, но цена такая, что я мысленно вычитаю чай на неделю вперёд и решаю, что три дня без света дешевле трёх дней без заварки. У второй нет вовсе, зато есть встречное предложение — свечи оптом, «выгодно, налетай», будто свечи сейчас разучились делать сами, из огарков и старого жира. У третьей точки вообще нет хозяина: щеколда, замок, никого, и я не берусь гадать, закрылась она на сегодня или закрылась насовсем, как Стёпина.

Спрашиваю на удачу у мальчишки лет двенадцати, который весь день слоняется между рядами и знает, кажется, каждую точку рынка лучше, чем знают её собственные владельцы. Он мотает головой раньше, чем я договариваю вопрос до конца, — про батарейки его уже спрашивали сегодня, и не раз.

Кольцо — не вариант. Не из страха идти — из-за перекупов у Кольца, которые работают по своим ставкам, знают цену не товару, а тому, что покупатель издалека и с деньгами. Человек без стабильного заработка там прогорает быстрее, чем успевает подсчитать разницу.

Раскладываю это в голове так же, как раскладывал неделю назад — по фактам, без паники.

Факт первый: Стёпу согнали с его собственной точки в Серяках, не только с северных, — то самое, что он сам называл единственным прецедентом за четыре года, теперь случилось второй раз, и на этот раз с ним самим.

Факт второй: место заняли не пустое — заняли живым человеком, за один день, будто вакансии давно значилась в чьём-то списке и ждала своего часа. Это не хаос. Хаос не успевает найти нового арендатора за сутки. Это работа, у которой есть план и кто-то, кто этот план держит в голове дальше, чем на один прилавок вперёд.

Факт третий, самый простой и самый неприятный: у меня в жестянке три батарейки, и до следующего надёжного источника я не знаю ни одного шага.

Неделю назад это было чужой бедой, дошедшей до меня через слух и вежливое сочувствие. Сегодня это моя полка, мой фонарь, мои три вечера впотьмах, если ничего не изменится. Трибун Краснова не спрашивал моего мнения, прежде чем добраться до меня — он просто добрался, тем же путём, каким доходит вода до самой нижней точки участка, не выбирая, кому там не повезло оказаться.

Три года я считал себя достаточно низкой точкой, чтобы вода до меня просто не доходила. Мимо, стороной, ниже уровня, на который вообще кто-то смотрит.

Оказалось, дело было не в высоте.

Дело было в том, что раньше никто не поднимал уровень воды специально.

Раздражение приходит с запозданием, как всегда — не в момент разговора с чужим человеком на чужом прилавке, а сейчас, когда я просто иду вдоль рядов и злюсь на вещь, которая от злости не изменится.

Три года я строил жизнь так, чтобы не зависеть ни от кого настолько, чтобы чужое исчезновение выбивало из колеи. Один человек снял с одной точки один товар — и у меня в голове уже неделя без света, будто я тонкая ниточка, а не отдельный, самостоятельный человек. Неприятно признавать, что вся эта независимость держалась не только на моей голове, но и на том, что рядом были люди вроде Стёпы, о которых я даже не думал как о зависимости, пока зависимость не исчезла в один день.

Раньше я бы записал это как чужую уязвимость и порадовался, что не мою. Сеть у меня в голове всегда рисовалась простой: я — отдельная точка, без входящих связей, которую нельзя обрушить, обрушив что-то рядом. Похоже, точка не такая уж отдельная. У неё, оказывается, есть провода наружу, просто я слишком долго не удосуживался проверить, куда именно они ведут, — привычка проверять панель, окно и припасы почему-то ни разу не включала пункт «а от кого вообще зависит содержимое припасов».

Останавливаюсь на секунду посреди ряда, будто эта мысль весит больше, чем должна. Кто-то сзади чуть не задевает меня плечом, бурчит извинение, идёт дальше. Иду дальше и я.

Мысль неприятная, и я не собираюсь делать из неё вывод прямо здесь, посреди рынка, где для выводов слишкомлюдно и слишком холодно. Убираю её туда же, куда убираю всё, для чего пока нет решения. Блокнот подождёт до вечера.

По дороге домой соображаю, чем заменить то, чего больше нет под рукой. Свечи есть — огарки, оставшиеся с прошлой зимы, воняют сильнее, чем светят, но горят честно. Заряд в старом фонаре можно растянуть, если включать только когда действительно нужно видеть, а не когда просто не хочется сидеть в темноте. Это не решение. Это отсрочка решения, оформленная как решение, — разница, которую я отлично понимаю и всё равно записываю в плюс, потому что отсрочка тоже валюта, когда больше нечем платить.

Мимо аптеки с подпёртой дверью, мимо колодца теплотрассы, из которого сегодня почему-то не идёт пар, хотя должен, — мелочь, я делаю мысленную пометку проверить в другой раз, не сейчас.

Не сегодня. Сегодня и так хватило.

Дома достаю блокнот раньше обычного вечернего часа — сегодня не тот день, чтобы тянуть до темноты, в которой писать придётся при огарке свечи, которую жалко жечь по пустякам.

Записываю то, что случилось, коротко, без прикрас: Стёпу согнали с точки, точку заняли за день, батареек в Серяках больше взять негде. Ручка царапает бумагу чуть громче, чем нужно для письма, — экономлю уже и на нажиме, хотя чернил в ней ещё на добрый год. Странно, что тело начинает жаться раньше, чем это становится необходимым по-настоящему.

Внизу, отдельной строкой, вопрос, на который пока нет ответа и, кажется, ещё долго не будет: сколько ещё вот таких полок в моей жизни должны опустеть, прежде чем «сам справлюсь» перестанет быть планом и станет просто тем, что я говорю себе по привычке.

ГЛАВА 4. ВТОРАЯ ТЕНЬ

Огарок догорел ровно настолько, чтобы хватило собраться. Три батарейки в жестянке — всё ещё три, я их не трогал два дня, экономия работает лучше, чем я рассчитывал, и хуже, чем хотелось бы. За окном тот сорт рассвета, когда света вроде достаточно, чтобы одеться, но недостаточно, чтобы разглядеть, во что именно одеваешься, — приходится доверять рукам, которые с самого обнуления находят одно и то же на одних и тех же крючках.

Сегодня решаю пройти чуть шире обычного круга — не ради конкретной цели, просто правило, которое я вывел себе ещё в первую зиму: если сидеть на месте дольше недели, начинаешь принимать за норму то, что нормой быть не должно. Проверю пару точек, которые давно не проверял. Заодно развеюсь — насколько вообще можно развеяться в Серяках в конце ноября.

Колодец теплотрассы у аптеки третий день без пара. В прошлый раз списал это на мелочь, не стоящую внимания посреди более срочных дел. Сегодня дела не более срочные, и я подхожу вплотную.

Решётка сдвинута — не сорвана, не выломана, просто аккуратно переставлена так, что щель, из которой обычно тянуло теплом, перекрыта на три четверти. Ни ржавчины на свежем срезе, ни следов лома.

Решётку просто приподняли руками и опустили обратно чуть иначе, чем она стояла годами.

Аккуратно. Слишком аккуратно.

Мародёры так не работают. Мародёры выламывают то, что можно унести. То, что нельзя унести, не трогают. Здесь никто ничего не унёс. Здесь просто убрали столб пара, который несколько месяцев в году торчит над этим местом заметнее, чем хотелось бы кому-то, кому нужно, чтобы это место оставалось незаметным.

Блокнот давно учил меня одному правилу: баг Системы почти никогда не выглядит как баг. Он выглядит как деталь, которая просто немного не на своём месте, — строчка, зависшая на долю секунды, поле, которое должно быть заполнено и не заполнено.

Ищешь не поломку. Ищешь несоответствие между тем, что должно быть, и тем, что есть.

С миром вокруг работает тот же принцип. Только вместо Системы — люди. И вместо строчки кода — решётка, стоящая на четверть иначе, чем стояла годами.

У аптеки та же арматура, которой уже неделю подпёрта дверь. Раньше я отмечал это как хороший знак — живой человек, осторожный. Сегодня смотрю внимательнее и вижу деталь, которая раньше проходила мимо: угол наклона третий раз подряд один и тот же, до градуса. Собаки так не подпирают. Собаки — это вообще не про угол наклона, это про то, залезть или нет.

Один точный угол трижды за неделю — это не привычка животного. Это чья-то методичность, и методичность обычно означает человека, который либо здесь живёт, либо здесь регулярно бывает по делу, которое не имеет отношения к аптеке.

У поворота встречаю соседа с восьмого — тощего, вечно замотанного в два шарфа человека, с которым я обмениваюсь коротким кивком примерно раз в месяц и ни разу за три года не поговорил дольше десяти секунд.

— Слышал вчера, будто у водокачки кто-то долго стоял, — говорит он, не останавливаясь, будто мысль вслух, не адресованная никому конкретно. — Псы не лаяли. Странно это. Псы у нас на всё лают.

— Кто стоял?

— А я знаю? — Сосед пожимает плечами, запахивает шарф плотнее. — Мне жена сказала, я мимо шёл. Не моё дело, чужие дела не мои.

Он уходит дальше, унося с собой ровно ту дозу информации, которую отдал, — не больше и не меньше. Для него это фраза для разговора, не заслуживающая второй мысли. Для меня — повод сделать крюк.

Водокачка — приземистая кирпичная будка на отшибе, туда я хожу редко, разве что за компанией случайно набредших грибов по осени, да и то не в этом году. Собак не слышно ещё на подходе, что для этого места необычно — обычно они здесь лают на всё, включая ветер.

За будкой, с той стороны, что не видна с дороги, — примятый ковёр палой листвы, и примят он не как попало, а ровным овалом, будто кто-то стоял здесь долго и ровно, почти не переступая с ноги на ногу. Рядом ничего не брошено, не докурено, не надкусано. Ни одной мелочи, за которую цепляется глаз в поисках чужого присутствия, — только форма примятости, слишком аккуратная для человека, которому просто приспичило постоять в тени.

Собаки не лаяли, сказал сосед. Собаки в Серяках лают на чужих всегда, кроме тех случаев, когда чужой стоит достаточно тихо и достаточно долго, чтобы перестать быть для них новостью.

Не первый раз здесь стоял.

Тоже.

Возвращаюсь через двор у котельной — туда, где сам иногда сижу, когда нужно видеть подходы к дому, не показывая, что смотришь. Точка неплохая: обломок стены по грудь, вид на три из четырёх переулков разом, спиной к глухой кладке, глухой настолько, что о неё ничего не звякнет.

Останавливаюсь у обломка и в этот раз не сажусь, а разглядываю его с той стороны, с которой обычно сажусь сам.

Иней на кладке лёг ровно везде, кроме одного прямоугольника — там, где спина взрослого человека прижималась бы к стене достаточно долго, чтобы тепло тела успело растопить корку, а холод не успел нарастить её заново. Ровно там, где сидел бы я сам, если бы решил понаблюдать за собственным подъездом.

Присаживаюсь на корточки, чтобы проверить угол обзора с этой позиции. Отсюда виден мой подъезд. Весь, полностью, включая тот выход, которым я обычно пользуюсь.

Смотрю внимательнее и нахожу второй прямоугольник, чуть левее первого, — старее, иней на нём успел затянуться заново, но неровно, слоями, как затягивается лёд на воде, которую тревожили не один раз. Не вчера сидели. Не в первый раз тоже.

Считаю слои, насколько вообще можно считать иней на глаз, и получается не меньше трёх раз за последнюю неделю, может, больше. Значит, не разовая проверка из любопытства. Значит, кто-то возвращается сюда достаточно регулярно, чтобы это можно было назвать работой, а не совпадением маршрута.

Четыре точки, если считать честно. Колодец, у которого убрали демаскирующий пар. Арматура с точным, повторяющимся углом. Примятая листва за водокачкой, на которую не лаяли собаки. Прогретое место на инее с прямым видом на мой подъезд. По отдельности каждая из них — совпадение, случайность, необъяснённая мелочь, которую я в другую неделю занёс бы в блокнот одной строкой и забыл.

Вместе они читаются как одна методичная работа.

Краснов действует иначе — шумно, через тройки с оружием на виду, потому что ему нужно, чтобы боялись, а не чтобы не заметили. Здесь наоборот: тот, кто это делает, не хочет, чтобы его видели вообще, и почти преуспел — я нашёл не человека, я нашёл отсутствие человека в местах, где должны быть следы человека.

Интерфейс за всё это время ни разу не промолчал полностью, когда рядом оказывался живой человек, — хотя бы обрывок, хотя бы цифра на секунду, как в своё время с Ниткой на рынке.

Здесь ничего. Ни разу, ни на одной из точек, при том что человек явно был близко, причём не единожды.

Для полного молчания нужно ни разу не попасть в тот угол обзора, который система вообще берётся считать. Не один раз повезло, а стабильно, каждый раз, днями.

Такое не получается случайно.

Такое — навык. Такой, каким я похвастаться не могу.

Первая мысль после этого вывода не аналитическая, и мне требуется секунда, чтобы это признать: мне страшно. Не тем взвешенным, рабочим страхом, с которым я живу три года и научился превращать в список действий. Другим — тем, что был у меня в восемь лет, когда я понял, что взрослые в квартире больше не встанут.

Руки не дрожат. Дрожит что-то глубже рук, там, где решения принимаются раньше, чем успеваешь их заметить, — и я ловлю себя на том, что уже второй раз за минуту оглядываюсь на собственный подъезд, хотя прекрасно знаю: если там сейчас есть наблюдатель, оглядываться — последнее, что стоит делать.

Заставляю себя досчитать до десяти, глядя не на подъезд, а на обломок стены перед собой, как на любую другую деталь на маршруте. К девяти уже почти получается дышать ровно.

Три года я был тем, кто смотрит первым. Кто считает уровни чужих людей раньше, чем они успевают представиться, кто замечает сдвинутую решётку и чужой угол наклона арматуры. Мысль, что кто-то делает то же самое со мной — причём дольше, чем я это заметил, и лучше, чем я успел это заметить, — задевает не только выживание. Задевает что-то более простое и более обидное: я привык быть тем, кого не видно. Похоже, это была не моя заслуга. Это было просто отсутствие интереса.

Раздражение приходит следом за страхом, почти сразу, как будто одно вызывает другое по цепочке: не люблю, когда меня читают лучше, чем я успеваю прочитать в ответ.

Если это не случайность и не Краснов — остаётся вопрос, из-за чего вообще. Ответ, который приходит первым, мне не нравится, но выглядит самым честным: пустырь. Тройка Гвоздя опознала меня по репутации, назвала «Нулевым» вслух, при свидетелях, которые могли рассказать дальше тем, кто слушает такие рассказы внимательнее, чем случайный сосед с шарфом.

Не могу это доказать. Могу только заметить, что до пустыря никто не наблюдал за моим подъездом достаточно долго, чтобы нагреть кладку сквозь одежду, а после — наблюдали. Совпадение по времени — не улика. Но я второй раз за месяц не верю в такое количество совпадений подряд.

Домой иду не самым коротким путём и не самым длинным. Тем, что даёт три возможности проверить, идёт ли кто-то следом, без того, чтобы выглядеть человеком, который проверяет.

У обломка стены, уходя, оставляю то, что осталось бы незаметным для чужого глаза и заметным для моего: тонкую щепку, вклиненную в шов кладки на высоте ладони, там, где сидел бы наблюдатель.

Тронут — узнаю. Не тронут — тоже узнаю, просто другое.

Не решение. Начало решения, оформленное как маленький, дешёвый, почти ничего не стоящий тест. Больше того, что у меня сейчас есть на руках.

По дороге прикидываю, что ещё вписать в блокнот вечером, помимо щепки и четырёх точек. Про Стёпу и батарейки уже там. Про Гвоздя и трибут — тоже. Страница за страницей набирается список того, что раньше было чужим, а стало моим, и сегодняшняя запись встанет в этот список без особого труда. Разве что почерк слегка изменится под конец — я это уже заметил за собой в прошлый раз.

Дома задуваю свечу раньше обычного — второй вечер подряд, и оба раза не потому, что берегу огарок, хотя берегу и его тоже.

Темнота за окном была просто темнотой: неудобной, холодной, моей. Сегодня впервые за три года она не кажется пустой.

ГЛАВА 5. ОДИН МЕСЯЦ

Щепка в шве кладки у котельной стоит там же, где я её оставил, — по крайней мере так показалось при беглом взгляде утром, не задерживаясь, не превращая проверку в ритуал. Три дня без новостей — тоже новость, просто медленная.

Батареек по-прежнему три. Экономия держится, свечные огарки в ходу, и я начинаю привыкать к мысли, что привычка — это просто то, что перестаёшь считать неудобством.

В дверь стучат в тот час, когда обычно никто не стучит, — не рано и не поздно, а просто не в то время, в которое кто-то стучит по делу.

За дверью — Матрёна.

Маленькая, сухая, в тёмной блузке, длинной юбке и вязаной кофте поверх, седые волосы собраны в тугой пучок, очки съехали на самый кончик носа, как будто держатся там из вредности, а не из-за переносицы. Спину держит прямо, будто до сих пор стоит у доски перед классом, не в чужом дверном проёме. В руках, как всегда, чулочные спицы и моток — она вяжет на ходу, в очередях, в разговорах, кажется, даже во сне, и я ни разу не видел готового результата этого вязания, только процесс, который никогда не заканчивается.

Познакомились мы так, как в Серяках знакомятся почти все, — случайно и по мелочи: два года назад она застряла на лестнице между третьим и четвёртым с тяжёлой сумкой, я нёс воду и оказался рядом. С тех пор она просто иногда стучит, без предупреждения и без причины, которую нужно было бы объяснять заранее. Я ни разу не спрашивал зачем. Она ни разу не спрашивала, можно ли.

— Не помер, — констатирует она вместо приветствия, оглядывая меня с ног до головы тем взглядом, каким когда-то, видимо, оценивала контрольные. — Уже хорошо. Чай будешь?

Она проходит мимо меня в квартиру, не дожидаясь ответа, — за два года знакомства спрашивать разрешения перестала на второй месяц. У неё в сумке — газетный кулёк, из которого явно пахнет настоящей заваркой, не той трухой, что сходит за чай на рынке в последнее время.

— Клим достал, — поясняет она, перехватив мой взгляд. — Я взяла на двоих. Ты всё равно без чая опять, я же вижу.

Ставлю воду греться — не электричество, розжиг, привычный ритуал, который с Матрёной почему-то всегда идёт медленнее обычного, будто она умеет растягивать время одним своим присутствием.

— Спицы новые, — говорю, просто чтобы сказать что-то, пока вода не закипела.

— Старые. Просто нитка новая. — Она садится на табурет так, будто он принадлежит ей, а не мне, и продолжает вязать, не глядя на петли. — Тебе бы тоже завести привычку, которая занимает руки. Меньше будешь хмуриться.

— У меня блокнот.

— Блокнот — это голова, не руки. Разные вещи.

Обычно на этом наш разговор и держится — она поддевает, я отбиваюсь коротко, она довольна результатом больше, чем я готов признать вслух. Сегодня подначка звучит чуть более натянуто, чем всегда, будто произнесена по привычке, без настроения.

— Ты сегодня не за чаем пришла, — говорю я, когда вода наконец закипает.

Матрёна не отвечает сразу. Отматывает нитку чуть длиннее, чем нужно для следующего ряда, — я успел заметить, что она делает так, когда подбирает слова заранее, а не говорит с ходу.

— Краснов вчера по подъездам ходил. Не по точкам — по подъездам, — говорит она, наконец, ровным голосом, каким на её месте объявляли бы контрольную. — К нам, на Стре-

лежку, на Заводскую. Люди его расклеили бумажки в парадных — не все умеют читать, так что ещё и вслух зачитывали, для верности.

— Что там было написано.

— Что через месяц Серые пятна зачищают. Всё, целиком, не по точкам, не по трибиту — весь квартал. Срок — тридцать дней. Кто не уйдёт сам, тому помогут. Вежливо не обещали.

— Дату назвали?

— Число не назвали, только «через месяц» — видимо, чтобы люди сами считали и сами себя пугали, это дешевле, чем держать счётчик. — Матрёна поправляет очки, хотя они и так сидят ровно там же, где сидели минуту назад. — У Стрелецкой, говорят, уже кто-то вещи собирает. У нас пока тихо, но тихо — не значит спокойно, тихо — значит, ещё не осознали.

— А ты откуда знаешь про Стрелецкую, если сама с Заводской слышала?

— Слухи в Серяках быстрее ходят, чем люди в них верят, — Матрёна фыркает, будто вопрос был лишним. — К обеду уже весь квартал знал, к вечеру ещё три квартала узнают. Такие новости сами себя разносят, им курьер не нужен.

Молчу дольше, чем следовало бы после такой фразы.

Трибут — это было понятно. Трибут был ценой за то, чтобы остаться на месте: неприятной, растущей, но ценой, которую в принципе можно было платить, если исхитриться. Стёпу согнали с точки — тоже укладывалось в эту логику: не платишь прибыль, точку забирают, сам остаёшься цел, если не споришь.

Зачистка целого квартала не укладывается никуда. Зачистка означает, что модель со сбором дани Краснова больше не устраивает — слишком много народу вроде Фаины и Стёпы просто снимается с места, не оставляя ничего, что можно обложить трибутом. Значит, выгоднее не собирать понемногу с живых точек, а забрать всё разом и распорядиться территорией напрямую.

Экономика минус люди — надёжнее, чем экономика с людьми, если единственная цель — контроль, а не сама дань.

Раскладываю по датам, насколько вообще могу их восстановить. Трибут объявили — я узнал в начале месяца. Стёпу согнали примерно через неделю после этого. Слежку я заметил ещё через неделю. Три отдельных события, которые я до сегодняшнего дня держал в блокноте как три разные строчки, теперь выстраиваются в одну: не серия совпадений, а разгон одного и того же процесса, который только сейчас показал, куда он движется. Трибут был не целью. Он был разведкой боем, проверкой, кто уйдёт сам, а кто останется и во сколько это можно будет оценить, когда дойдёт до прямого захвата.

Слежка тоже перестаёт быть только про меня лично. Может, кто-то действительно интересовался Нулевым после пустыря. А может, чужие люди в последний месяц просто ходят по Серякам чаще, чем раньше, составляя карту того, что здесь есть и кто где живёт, — и я просто оказался одной из точек на этой карте, не единственной.

Тридцать дней — это не угроза на будущее. Это отсчёт, который уже идёт, пока я наливаю кипятка в две кружки одной рукой, потому что вторая всё ещё держит в голове факт, который никак не хочет укладываться в привычные ящики.

Первая мысль — не о себе.

У меня есть блокнот, есть три года привычки уходить вовремя, есть маршруты, которые я знаю лучше, чем собственное отражение в треснувшем зеркале. У Матрёны есть квартира на Стрелецкой, в которой она живёт, кажется, дольше, чем я вообще существую на свете, и вязание, которое никогда не заканчивается, потому что заканчивать его, видимо, не входит в план.

Странное чувство — обнаружить, что список вещей, которые тебе есть, чем терять, оказался не пустым. Три года я специально держал этот список коротким: рюкзак, блокнот, три батарейки в жестянке, крыша, которая пока не течёт. Ничего живого в этом списке никогда не

значилось, потому что живое умеет исчезать, а с исчезновением вещей я справляюсь лучше, чем с исчезновением людей, — этому меня научила Инициализация раньше, чем я успел вырасти настолько, чтобы спорить с уроком.

Не помню, когда именно Матрёна перестала быть просто соседкой, которая иногда стучит. Кажется, это случилось не в один момент, а постепенно, теми же темпами, какими вяжется шарф без видимого конца, — стежок за стежком, разговор за разговором, пока однажды не понимаешь, что список коротким быть перестал.

Спрашиваю, хотя заранее не жду хорошего ответа:

— Ты уходить собираешься?

— С чего бы. — Матрёна не отрывается от петель, и голос у неё ровный, как будто вопрос был не о переезде, а о смене чайной заварки. — Мне тут жить с семьдесят восьмого года. Я эту квартиру получала от райисполкома, которого давно нет, вместе с городом, которого давно нет. Куда я пойду — туда, где тоже никого нет?

— Краснов не спрашивает мнения.

— Краснов — не первый, кто не спрашивает. — Она наконец поднимает взгляд поверх очков, и в этом взгляде нет страха, зато есть что-то усталое и очень старое, чему я пока не могу подобрать название. — Я такое уже видела. Не с Красновым — до него. Раньше твоего Обнуления, раньше вообще всего этого.

Она не договаривает, обрывает фразу ровно на том месте, где я жду продолжения, и вместо этого делает глоток чая, будто выигранная пауза стоит дороже, чем сказанное вслух.

— Расскажешь?

— Не сегодня. — Матрёна складывает вязание в сумку, аккуратно, без спешки, как человек, который уже решил, что разговор на сегодня закончен, независимо от того, что думает собеседник. — Сегодня чай пей, пока горячий. Истории лучше идут, когда торопиться некуда, а у меня спицы сегодня плохо слушаются, значит, и слова будут такими же.

Хочу возразить, объяснить ей то, что она наверняка и без меня прекрасно понимает, — что тридцать дней это не абстрактный срок, что «вежливо не обещали» означает именно то, что означает, что упрямство не входит в список вещей, которые защищают от людей Краснова лучше, чем уход вовремя. Не говорю ничего из этого. Два года общения с ней научили меня хотя бы одному: спорить с Матрёной о её собственных решениях — то же самое, что спорить с расписанием электрички, которой давно не существует. Расписание не переубедить. Можно только успеть или не успеть.

Провожая её до двери. У порога она останавливается на секунду, будто вспомнила что-то ещё, но машет рукой — не сегодня, значит не сегодня — и уходит вниз по лестнице тем неспешным, ровным шагом, каким, кажется, ходила всегда, независимо от того, что происходит наверху.

Стою в дверях дольше, чем нужно, слушая, как её шаги стихают этаж за этажом, ровно, без запинки, — человек, который никуда не спешит, будто уже решил для себя всё, что можно было решить.

Возвращаюсь к окну. Двор внизу выглядит точно так же, как выглядел вчера и позавчера, — те же голые деревья, та же тропинка, протоптанная наискось вместо асфальтовой дорожки, — напрямик всегда короче. Разница не в дворе. Разница в том, что я теперь знаю: у этого двора есть срок годности, и он ощутимо короче, чем я привык думать.

Кружка с недопитым чаем стоит на столе — моя, не её, она допила свою до дна, как будто хотела оставить после себя пример, а не пустоту.

Тридцать дней. Я записываю это в блокнот раньше, чем обычно, не дожидаясь вечера, потому что сегодня не тот день, чтобы откладывать хоть что-то на потом.

ГЛАВА 6. СТАРЫЙ УЗОР

Третий день после новости Серяки ведут себя странно тихо — не той тишиной, что бывает по утрам, а той, что бывает, когда все одновременно решили не говорить вслух то, что думают.

У соседнего подъезда с утра стоит тележка, гружённая какими-то тюками, и никто её не трогает — ни хозяин, который то выходит, то снова заходит, будто не может решить, брать ли что-то ещё, ни соседи, которые смотрят и молчат. Люба вчера обмолвилась, что на рынке уже на треть меньше точек, чем неделю назад. Считать я не стал — не потому что не интересно, а потому что число в этом случае ничего не изменит.

Батарейки те же три. Я их берегу так старательно, что почти перестал замечать саму экономию — она стала фоном, как дыхание.

Тишина продолжается.

Захожу по пути к старику с пятого подъезда — тому, что каждое утро выносит стул на балкон. Стул на месте. Старик тоже, сидит, глядит в сторону бывшего парка, как обычно. Не знаю, дошла ли до него новость или дошла и ничего не изменила, но почему-то само его присутствие успокаивает больше, чем должно бы.

Матрёна приходит без стука — то есть стучит, но один раз, для порядка, и открывает дверь сама, не дожидаясь, пока я дойду.

— Заварка кончилась у Любы, — сообщает она вместо приветствия, снимая кофту у порога. — У меня своя есть, могу поделиться, но сперва договорим то, что не договорили.

Она садится на тот же табурет, что и в прошлый раз, достаёт спицы, но не разматывает нитку сразу — просто держит их в руках, как держат вещь, которая ещё понадобится, но чуть позже.

Завариваю её чай, не свой — символический жест, который она наверняка оценит правильно: сегодня разговор ведёт она, я только слушаю и подливаю кипяток по мере надобности. Кружки те же, что в прошлый раз. Ритуал складывается быстро, если повторить его хотя бы дважды.

— Ты спрашивал, что я такое видела, — говорит она, глядя не на меня, а куда-то в сторону окна, за которым ничего интересного нет, кроме того же двора. — До Обнуления твоего я про эту жизнь мало что знаю, а вот до Инициализации — жила в ней сорок с лишним лет. Не в этом доме. В другом городе, если по-честному, но какая уже разница, какие теперь города.

— Ты не обязана рассказывать.

— Обязана — не то слово. — Матрёна впервые за разговор смотрит на меня прямо, и во взгляде что-то похожее на решимость человека, который наконец разрешил себе то, что долго откладывал. — Просто редко кто спрашивает по-настоящему. Обычно спрашивают из вежливости и ждут, что я отвечу коротко, чтобы не грузить. Ты спросил и не отвёл взгляд. Это не вежливость. Это интерес. Разные вещи.

— Я тогда преподавала в школе, недалеко от завода. Через дорогу от нас стоял дом — не жилой, старая контора, кирпичная, с хорошим фундаментом, крепкая. Владел ею один человек, тихий, не бизнесмен даже, а просто наследник — дед оставил. Аренда, мелкий ремонт, обычная жизнь здания.

— Ты его знала лично?

— Отец одного из моих учеников. Приходил на собрания, задавал скучные вопросы про домашние задания, ничем не выделялся. — Матрёна поправляет очки, хотя они и без того сидят ровно. — Я его запомнила не потому, что он был важным. Потому что он был обычным. Такие истории всегда случаются с обычными, важные умеют защититься заранее, у них для этого другие бумажки.

— И что случилось.

— Пришли люди. — Матрёна произносит это ровно, буднично, как формулу, которую повторяла много раз про себя, прежде чем произнести вслух. — Сначала бумаги — какие-то документы, суды, придирики к техническому состоянию. Потом пожар, маленький, в подсобке, никто не пострадал, списали на проводку. Потом ещё бумаги. Через полгода здание уже принадлежало не тому человеку, а совсем другому, с фамилией, которую в городе знали и предпочитали не упоминать вслух.

— Рейдерский захват.

— Тогда это так называлось, да. — Она кивает, будто довольна, что я знаю слово, но не удивлена этим. — Не бандиты с оружием — это было бы слишком грубо и слишком заметно. Юристы, пожарные инспекторы, суды, которые почему-то всегда выносили решение в одну сторону. Всё по закону, если проверять каждую бумажку отдельно. Только вместе бумажки складывались в одно: было — стало чужим, и никто конкретный вроде бы не виноват.

Молчу, слушаю дальше.

Не перебиваю вопросами, хотя обычно на этом месте мне бы уже хотелось разложить всё по датам и фактам.

— Соседи его, кстати, в основном молчали, — добавляет Матрёна, будто прочитав следующий вопрос раньше, чем я его задал. — Кто-то из жалости, кто-то из страха, что новые владельцы запомнят, кто помогал. Один даже подписал бумагу против него — сосед по лестничной клетке, тридцать лет здоровался каждое утро. Потом объяснял всем, что его заставили. Может, и заставили. Я не берусь судить человека, которого не заставляли лично.

— Человек тот — владелец — судился три года. — Матрёна наконец начинает вязать, медленно, будто руки сами вспомнили, что делать, пока голова занята другим. — Из принципа, не из денег, деньги у него давно кончились на юристов. Проиграл. Не потому что был неправ. Потому что против системы, где судьи, пожарные и юристы работают на одну сторону, отдельный человек с одной правдой не выигрывает — он просто тратит три года, чтобы это понять на собственном опыте.

Слушаю и ловлю себя на том, что не пытаюсь пристроить рассказ ни в одну из привычных ячеек — не ищу в нём урок, не прикидываю, чем он может пригодиться завтра. Просто слушаю, как слушают о чужой беде, которая случилась давно и никак не касается тебя лично, кроме одного: она откуда-то очень знакома.

Трибун. Бумажки про соответствие. Точка на Стрелецкой сожжена — «списали на проводку», не так ли это звучало у Матрёны минуту назад. Краснов не изобрёл ничего нового. Он просто делает то же самое, что делали до Инициализации, только без бумажек, потому что бумажки в Серяках уже никто не спрашивает — можно сразу к сути.

Думаю про соседа, который подписал бумагу против человека, с которым тридцать лет здоровался каждое утро. Три года назад я бы записал это в блокнот как данные: цена лояльности в кризис, переменная, зависящая от страха. Сегодня почему-то не тянет считать. Тянет просто представить, каково это — стоять по одну сторону лестничной клетки от человека, с которым ты сам предал бы или которого сам предали, и понимать, что грань между этими двумя вариантами тоньше, чем хочется думать в спокойные годы.

— Чем кончилось у того человека?

— Уехал. — Матрёна пожимает плечами, будто вопрос предполагал более сложный ответ, чем есть на самом деле. — Не было в этом ничего героического, если ты ждёшь красивого финала. Уехал в другой город, устроился завхозом при какой-то школе, преподавал историю года три, потом я потеряла его из виду. Обычная жизнь после необычной беды — тоже жизнь, просто тише.

— А здание?

— Снесли лет через пять. Построили что-то новое, с другим названием. — Она натягивает нитку чуть туже, чем нужно для ряда. — Земля всем нужнее, чем то, что на ней стоит. Тогда это было правдой. Сейчас, судя по всему, тоже.

— Зачем ты мне это рассказываешь именно сейчас.

— Потому что ты умеешь считать наперёд лучше многих, кого я знала, а эту историю посчитать заранее нельзя. — Матрёна впервые за вечер улыбается, коротко, одними уголками губ. — Тут нет формулы, которую можно решить, если достаточно долго сидеть над задачей. Иногда бумажки побеждают правду. Иногда человек просто уезжает и живёт тише. Хотела, чтобы ты знал: и то и другое — тоже способ выжить, не только тот, что у тебя в блокноте.

— А твой способ какой?

— Мой способ — остаться. — Она произносит это без вызова, без драмы, тем же ровным голосом, каким рассказывала про пожар в подсобке. — Я один раз уже уехала тише воды. Хватит на одну жизнь. Второй раз я слишком стара, чтобы делать вид, будто это разумный выбор, а не просто ещё один способ бояться.

Хочу спросить, куда именно она уехала тогда и что заставило вернуться — точнее, приехать сюда, в Серяки, в квартиру на Стрелецкой, которую получила от несуществующего района, — но по её лицу вижу: на сегодня лимит рассказанного исчерпан, и дальше будет уже не история, а что-то, что ей самой трогать не хочется. Не настаиваю. За два года я выучил, что с Матрёной работает только один способ получить продолжение: подождать следующего раза.

— Ты хотя бы дверь на ночь запираешь как следует? — спрашиваю вместо этого, просто чтобы вернуть разговор туда, где можно не бояться.

— Запираю, запираю. — Она отмахивается, но в голосе слышно что-то похожее на благодарность за смену темы. — Спицами, если что, я тоже умею постоять за себя. Ты не единственный, кто в Серяках научился считать, что под рукой сгодится, если понадобится.

Провожая её позже, чем в прошлый раз, — за окном уже темнеет, и мне приходится дать ей огарок свечи на дорогу, хотя своих у меня и так немного.

— Себе оставь, — начинает она, но я уже не слушаю возражений — история стоила больше одной свечи, и мы оба это знаем, просто ни один не готов сказать вслух.

У двери она останавливается, оборачивается через плечо.

— Рейд в соседнем квартале — не выдумка, если что. Я такие вещи узнаю по запаху задолго до того, как они доходят до нашей улицы. Присматривайся эти дни внимательнее обычного.

Уходит, не дожидаясь ответа, тем же неспешным шагом, с которым делает всё на свете.

Сажусь за блокнот раньше обычного.

Записываю не факты — их сегодня немного, — а то, что этой историей стоит держать в голове дольше, чем факты обычно держатся: узор один и тот же, меняются только инструменты. Бумажки тогда. Тесак и трибут сейчас. Тридцать дней, которые тикают одинаково, что при Системе, что без неё.

Внизу страницы дописываю ещё одну строчку, отдельно от остальных, не про Краснова и не про сроки: способов выжить больше одного, и мой — не единственно правильный, просто единственный, который я до сих пор пробовал.

Свеча догорает быстрее обычного — сегодня жёг её щедрее, чем следовало бы при трёх батарейках в резерве, но иногда экономия сама отступает перед тем, что важнее её.

ГЛАВА 7. ПОМОГУТ УЙТИ

Три батарейки. Не резерв — отсрочка.

Я пересчитал их дважды, будто за ночь могла набежать четвёртая. Оба раза вышло одно и то же число.

Двадцать четыре дня из тридцати. Считаю их машинально с того вечера, как Матрёна досказала историю про бумажки и суды. Раньше просто отмечал дату в блокноте. Теперь каждое утро сперва вычитаю, а потом уже наливаю воду в кружку.

Батарейки здесь не роскошь. Это интерфейс в темноте, когда системный монстр решает нанести визит именно ночью, это свет, при котором можно отличить свою дверь от чужой, это десяток мелочей, которые перестают быть мелочами ровно в тот момент, когда их не остаётся совсем.

Фонарик не включал уже неделю. Берёг заряд для интерфейса, не для того, чтобы видеть собственную комнату. Свеча дешевле, а больше от неё в четырёх стенах ничего не требуется.

Рынок сейчас — переплата за то же самое, что я и так знаю, где искать. Перекупы у Кольца — переплата другим, уровнем риска, который я в последний раз считал приемлемым года два назад.

Оставался третий вариант, который придерживал на крайний случай. Гоша с Кузнечной, три квартала на восток, за пределами обычного маршрута. Раз в два-три месяца у него настоящие батарейки, снятые с чего-то, что честно работало до Обнуления, а не собранные из текстилового мусора, каким их выдают на рынке.

Познакомились мы случайно, ещё в первый мой год после Обнуления, когда я выменивал у него зарядное устройство, ставшее бесполезным ровно в тот день, когда погасла последняя розетка в этом городе. С тех пор виделись редко, но всегда по делу, и оба это ценили больше, чем стали бы признавать вслух.

Откладывал этот визит месяц. Не из-за дороги. Каждый лишний выход за пределы привычного треугольника «дом — рынок — точка» добавляет Системе шанс запомнить меня там, где я обычно не бываю.

Сегодня выбор свёлся к простому. Идти или через три дня сидеть без света вообще.

Обмотал добычу тряпкой, чтобы не звякала при ходьбе, и вышел, пока небо было серым, а не окончательно светлым. Предпочитаю встречать сюрпризы раньше, чем они встретят меня выпавшимся.

Кузнечная встретила запахом мокрой золы. Не свежей — недельной давности. Кто-то третий раз за месяц жёг мусор в одном и том же дворе: вывозить его было некому.

Не был здесь два месяца, а улица не изменилась ни на кирпич. Те же провалы вместо витрин, та же вывеска шиномонтажа, которая пережила и шины, и монтаж и, кажется, переживёт нас всех. Постоянство руин — единственное, на что тут можно рассчитывать.

Весна здесь была той же весной, что и в Серяках. Грязь вместо снега, воробьи вместо тишины, солнце, которое греет как будто из вежливости. Разница только в людях: на Кузнечной их всегда было чуть меньше, чем нужно живой улице, — но не настолько мало, как сегодня.

Гоша сидел на перевёрнутом ящике у входа в мастерскую и обдирал изоляцию с обрезка провода. Провод ему не был нужен — руки просто не умели сидеть без дела.

— Нулевой, — сказал он, не поднимая головы. — Редкий гость.

— Мне нужны батарейки. Настоящие.

— Всем нужны настоящие. — Он отложил провод и наконец посмотрел на меня, шурясь, будто вспоминал, откуда я знаком. — Сегодня у меня три штуки, и я попрошу за них вдвое больше обычного.

— Почему?

— Потому что закрываюсь на час раньше, и мне всё равно, поверишь ты в причину или нет.

Он не врал. Гоша вообще не умел врать убедительно — только отмалчиваться, а за два года я научился слышать разницу. Молчание вместо ответа означало: причина есть, и она хуже, чем прозвучало бы вслух.

— Кузнечная стала осторожной, — сказал я, не спрашивая. Гоша умел не отвечать на вопросы, которые ему не задавали прямо.

— Кузнечная стала тихой. — Он протянул мне три батарейки, завёрнутые в промасленную тряпку. — Тишина хуже осторожности. Осторожность — это когда люди боятся и знают чего. Тишина — это когда боятся и не знают.

— А ты чего боишься? — спросил я, просто чтобы проверить, ответит ли.

— Того же, чего и все. Не успеть закрыться вовремя.

Я отдал ему моток тонкого провода, найденный в феврале и так и не пригодившийся. Гоша принял не глядя. Значит, устроило ещё до того, как он сказал это вслух.

На полке за его спиной стояли часы без стрелок. Использовал их как подставку для инструментов, не потому что берёг память о чём-то — так он ответил два года назад, когда я спросил один раз и не переспрашивал больше.

У всех здесь были такие вещи. Полезные ровно настолько, чтобы прошлое не занимало место просто так.

У меня самого дома лежала линейка без делений. Когда-то мерил ею уровень воды в баке. Бак прохудился, линейка осталась. Выбрасывать вещи было привычкой из прежней жизни, не из этой.

— Иди домой другой дорогой, — сказал он мне в спину, когда я уже повернулся уходить. — Не той, которой пришёл.

— Почему не той?

Гоша не ответил. Снова взялся за провод, будто разговор закончился минуту назад, а не сейчас.

Я запомнил это не как совет — как данные. Гоша боялся достаточно, чтобы рискнуть постоянным клиентом ради того, чтобы я ушёл живым.

Я вышел на улицу и досчитал до того, что заметил на подходе, но не обдумал: ни одной открытой ставни на чётной стороне, хотя утро давно перестало быть ранним. Голуби на карнизе — единственное движение на весь квартал.

Кузнечная умела быть тихой. Не такой.

Тишина, о которой говорил Гоша, — та, что боится и не знает чего, — лежала на этой улице отдельным слоем, поверх обычной бедности звука.

Мог бы послушать совета сразу и свернуть в обход. Вместо этого прошёл ещё квартал в прежнем направлении. Привычка проверять нестыковки не отпускала даже когда стоило бы её отпустить.

Три года назад это называлось любопытством. Сейчас — привычкой, которая пока не успела меня убить.

Дальше по улице стояла тележка с тюками — такая же, как та, что три дня простояла у соседнего подъезда в Серяках, никем не тронутая. Только эта была брошена посреди дороги, будто хозяин передумал бежать на середине бега.

Я уже почти свернул обратно к своей стороне квартала, когда интерфейс дёрнулся. Не так, как дёргается от лагов — так, как дёргается, вспоминая старую эхо-привычку цеплять чужие обрывки. Знакомое чувство: будто кто-то на секунду оставил дверь приоткрытой в чужую комнату.

[СВЯЗЬ: ...ФРАГМЕНТ]

ТОЧКА: КУЗНЕЧНАЯ

ГОТОВНОСТЬ: ПОДТВЕРЖД...

Панель погасла раньше, чем я дочитал остальное.

Обычно эхо приносит мусор. Обрывок чужого инвентаря, кусок чата — не мой, чужой. Раз в месяц, может реже, я никогда не считал точно, потому что предсказать его невозможно. В этот раз оно принесло адрес, который я знал слишком хорошо. Я стоял на нём.

Не стал спрашивать себя, что именно готово. Ноги уже несли меня в подворотню раньше, чем голова закончила формулировать вопрос.

Три двора между мной и безопасным расстоянием. Два выхода из каждого, один я знал, другой — нет. Пошёл через тот, что знал: разбитая рама теплицы, провал в заборе, крыша сарая, с которой Кузнечная просматривалась вся, а меня с земли было не видно за коньком.

Забрался наверх, ободрав ладонь о ржавый лист железа. Лёг на живот там, где шифер уже треснул сильнее, чем мог бы треснуть снова.

Сердце колотилось быстрее, чем должно было при обычном подъёме на крышу. Три года назад я бы списал это на нагрузку. Теперь слишком хорошо знаю разницу.

Дыхание выровнял быстрее, чем хотелось бы признавать вслух. Три года практики того, что не должно было стать практикой.

Успел вовремя. Секунд на сорок, может минуту — достаточно, чтобы не оказаться на открытой улице, недостаточно, чтобы выбрать позицию получше той, что подвернулась.

С крыши было видно три улицы разом. И ни одного человека.

Они пришли не со стороны рынка — с запада, от промзоны. Четверо, может, пятеро: не успел досчитать до того, как передний поднял руку, и остальные встали клином у подъезда. Оружие несли открыто, не как угрозу, а как рабочий инструмент, который незачем прятать.

Передний перехватил моток верёвки на плече тем же движением, каким это делал человек, которого я в последний раз видел в Серяках месяц назад. Не глядя, одним пальцем через кисть.

Один из четверых нёс на плече моток кабеля, не оружие. Возможно, для следующего дома сегодня. Возможно, просто привычка таскать с собой всё полезное.

Может, привычка. Может, тот же человек.

Не стал дожидаться, чтобы убедиться, — с крыши такие вещи не проверяют, их просто запоминают на потом.

Дверь подъезда не выбили. Открыли ключом. Значит, у кого-то в доме его забрали раньше или отдали сами, добровольно, — и это почему-то показалось хуже.

Через минуту вывели троих.

Женщину, старика, мальчишку лет десяти с рюкзаком, зажатым под мышкой так, будто в нём было всё, что у него осталось. Наверное, так и было.

Один из четверых сказал женщине что-то короткое, без крика. Слов отсюда было не разобрать — только тон, ровный, как у человека, зачитывающего список в десятый раз за день. Она не ответила, только крепче перехватила плечо старика, будто это она вела его, а не наоборот.

Старик попытался вернуться за порог — кажется, за чем-то забытым.

Его не пустили. Не ударили. Просто перегородили плечом, как перегораживают дверь, которая должна оставаться закрытой.

Он постоял секунду, глядя на плечо перед собой, и отступил сам. Будто вспомнил, что спорить с плечом бессмысленно.

Мальчишка не плакал. Смотрел в сторону, на голубей — наверное, потому что голуби были единственным, что вело себя как обычно.

Что-то дёрнулось у меня в груди: встать, крикнуть, сделать хоть что-то настолько бессмысленное, что оно бы точно всех нас убило.

Я не встал.

Считал, как считаю всё остальное.

Четверо против одного, у четверых уровень, у меня — фокус, который срабатывает один раз, и то не здесь. Арифметика не оставляла места для геройства, только для наблюдения.

Ненавидел себя ровно столько времени, сколько это заняло. Потом убрал ненависть туда же, куда убирал всё остальное, что мешало смотреть дальше. Не оттого, что разучился её чувствовать. Оттого, что разучился ей поддаваться.

Огонь начался с окна на третьем этаже. Не пожар — решение, аккуратное, как всё, что делает Краснов: тряпка, что-то из канистры, спичка.

Дым пошёл раньше пламени. Серый, потом чёрный, потом уже не дым вовсе. Так пахнет, когда горит чужая жизнь, собранная за двадцать лет в одной комнате.

Стекло лопнуло тихо, почти вежливо, будто и оно не хотело привлекать внимания.

Через минуту из окна показался уже не дым — язык пламени, короткий, жёлтый снизу и оранжевый сверху. Я лежал достаточно далеко, чтобы не чувствовать жара, и достаточно близко, чтобы запомнить: всё это заняло не больше пяти минут.

Ни одно окно на улице так и не приоткрылось. Ни один сосед не вышел посмотреть, что случилось у него под боком. Кузнечная умела молчать даже когда молчать было почти преступлением, и этому здесь тоже учат, просто не лекциями, а вот такими утрами.

Они не стали ждать, пока догорит. Ушли тем же клином, тем же шагом, каким пришли. Работа была сделана, а судьба мяса после кухни мясника не интересует так же, как их не интересовало то, что осталось у них за спиной.

Я лежал на крыше ещё минут двадцать после того, как звук шагов растворился в переулках.

Первое правило, которое я усвоил раньше всех остальных: уходить сразу после того, как опасность скрылась из виду, — то самое время, когда она чаще всего возвращается проверить расчёты.

Спустился, когда убедился, что убедился не зря. Женщину, старика и мальчишку я уже не нашёл — соседи ли забрали, сами ли знали, куда идти, когда некуда стало возвращаться. Ни один из вариантов не требовал моего участия, и я сказал себе, что это довод в мою пользу.

Пепел с обгоревшего окна ещё сыпался редкими хлопьями, оседая на брусчатке серым снегом не по сезону. Один хлопок опустился мне на рукав.

Стяхнул не глядя, уже на ходу.

Легче было думать, что это обычная пыль. Чем то, чем это являлось на самом деле.

На самом деле это было облегчением.

Три года я убеждал себя, что достаточно быть незаметным. Сегодня незаметность впервые показалась мне не стратегией, а трусостью, аккуратно завернутой в слово «расчёт».

Не придётся решать, что делать с тремя людьми, которых я не смогу прокормить.

Мимо самого дома не пошёл. Обогнул через параллельный двор, хотя это добавило лишних десять минут.

Дорога от Кузнечной домой пролежала мимо трёх пустырей, которые обычно пересекал по прямой. Сегодня обошёл каждый по периметру, вдоль обвалившихся заборов, хотя открытое пространство было безопаснее в любой обычный день.

Обратный путь занял вдвое больше времени, чем должен был. Делал крюки, которые не были нужны тактически, — просто ноги не хотели идти прямо через место, где двадцать минут назад решали, кому сегодня повезло остаться дома.

Матрёнин узор — бумажки тогда, трибут и тесак сейчас — оказался точнее, чем я готов был признать вслух даже себе. Она не рассказывала мне про огонь. Огонь я добавил сам, без её помощи.

Добавленное оказалось хуже того, что я представлял себе на её кухне пять дней назад.

Тогда это была история про других людей, в другом городе, в другое время. Теперь это была просто улица в двух часах ходьбы от моей собственной, и разница между «тогда» и «сей-

час» истончилась настолько, что я не смог бы вслух объяснить, где именно она ещё сохранялась.

К себе добрался, когда небо начало сереть в другую сторону — не к рассвету, а к вечеру, хотя не помню, чтобы день длился так долго.

Квартира встретила тем же сквозняком через пролом, что и всегда. Минуту стоял в дверях, привыкая к тому, что здесь всё ещё цело.

Проверил щеколду дважды, хотя обычно проверяю один раз. Ниша за плиткой была на месте, нож в ней — тоже, хотя доставать его не собирался. Просто нужно было знать, что он там.

Достал блокнот раньше, чем чайник.

Три батарейки за новости, которые я сегодня узнал. Гоша сказал бы, что я продешевил, расскажи я ему, что купил на самом деле.

Положил новые батарейки в жестянку рядом со старой. Одна из старых почти умерла, но выбрасывать её раньше срока казалось расточительством, которое не мог себе позволить даже символически.

Записал дату и одно слово: Кузнечная. Больше не потребовалось — остальное и так буду помнить дольше, чем хотелось бы.

Записывают ведь не из страха забыть. Скорее из желания хоть немного отстраниться, перенести это на бумагу.

Двадцать четыре дня из тридцати. Кузнечная не значилась в объявлении Краснова.

Значит, тридцать дней были не обещанием — просто одной из цифр, которую он готов передвинуть, если находит повод раньше срока.

Свеча оплыла почти до огарка, пока я сидел над блокнотом, не дописывая ничего сверх того, что уже записал. Иногда самая честная запись получается, когда её не пытаешься растянуть длиннее, чем того требует случившееся.

Не знал, что буду делать с этим знанием. Знал только, что оно теперь моё — и вернуть его назад я не могу, даже если бы захотел.

ГЛАВА 8. ТРИ МИНУТЫ

Двор нашёлся не там, где я его в последний раз оставил в памяти. На два дома левее, зажатый между гаражным рядом и глухой стеной без окон. Такое место легко потерять, если не приходиться нарочно.

Я приходил нарочно. Третий раз за месяц, всегда разными маршрутами, всегда после того, как убеждался, что за мной никто не увязался.

Осторожность, которая начала казаться самому себе избыточной. Оказалась не избыточной.

Интерфейс здесь не гас. Это я проверил ещё в первый раз, когда заметил двор случайно. С тех пор перепроверял каждый визит на всякий случай. Просто держался тише обычного, будто говорил вполголоса в комнате, где кто-то спит.

Обошёл двор по кругу, шаг за шагом сверяя ощущение сигнала с тем, что помнил по прошлым разам. Граница не была резкой чертой. Скорее склоном: у гаражей — обычно, у центра двора — глухо, а между ними сигнал таял постепенно, метр за метром, как звук, отступающий по длинному коридору.

Ни один Системный монстр здесь не появлялся, если верить старожилам. Спросил однажды соседскую бабку через дорогу, сколько лет двор такой. Ответила: «Сколько себя помню», — и не стала уточнять дальше, что показалось мне честнее любого точного числа.

Люди в этом дворе вели себя иначе, чем в остальных Серяках. Не оглядывались через плечо каждые десять шагов. Не понижали голос при чужих. Маленькая роскошь, о которой они, кажется, даже не задумывались как о роскоши.

Завидовал им ровно две минуты, пока шёл через двор. Потом одёрнул себя. Зависть без действия — просто ещё одна форма усталости, а усталость у меня и без того копилась быстрее, чем расходовалась.

Ребёнок гонял консервную банку вдоль стены гаражей, один, без взрослых поблизости. В любом другом дворе Серяков это было бы поводом для чьей-нибудь тревоги. Здесь никто не смотрел в его сторону дважды.

У самой глухой стены, там, где сигнал держался слабее всего, из земли торчал ржавый прямоугольник люка. Старого, довоенного, с выцветшей табличкой, буквы на которой читались только наполовину.

ГТС. Городская телефонная сеть, если я правильно расшифровал остаток.

Довоенная. Значит, старше меня в несколько раз.

Присел, поддел край крышки ножом. Не для того чтобы открыть — просто проверить, что она вообще поддаётся. Поддалась на сантиметр и застряла намертво, прижавев за десятилетия под слоем земли и асфальтовой крошки.

Достаточно, чтобы понять: под двором что-то есть. Старое, объёмное, никем не тронутое с довоенных времён — судя по толщине ржавчины, никто не открывал эту крышку ещё до Обнуления.

Постучал костяшкой по крышке. Звук вышел глухой, объёмный — под металлом явно скрывалась пустота, а не просто засыпанная землёй яма.

Обошёл люк ещё раз, теперь уже не по кругу двора, а вплотную, приседая через каждый шаг. Слабее сигнал становился не равномерно, а рывками, будто под землёй тянулась не одна линия, а несколько, пересекающихся под разными углами.

Где-то читал или слышал ещё до всего этого. Довоенные города держали под собой не одну сеть коммуникаций, а несколько, проложенных в разные десятилетия одна над другой. Сейчас пожалел, что не запомнил больше подробностей.

Связывать одно с другим я пока не спешил. Совпадение слабого сигнала и старого телефонного люка могло значить многое. Могло не значить ничего.

Ребёнок с консервной банкой проводил меня взглядом до самого выхода из двора, не любопытным, просто внимательным, как провожают взглядом любого взрослого, который здесь редкий гость.

Записал в блокнот две строчки, не больше, и пошёл обратно тем путём, которым не приходил.

Пятый день с последнего обхода тройки по точкам рынка. Считаю и это машинально, с тех пор как усвоил закономерность ещё в первые недели после появления Краснова в Серяках.

Если считать верно, обход должен был случиться вчера или сегодня. Обычно в такие дни я держался подальше от рынка вообще, делал крюк в другую сторону, терял час — небольшая цена за то, чтобы не мозолить глаза.

Сегодня короткий путь домой всё равно пролегал в двух улицах от рынка, не ближе. Решил, что двух улиц достаточно.

Оказалось недостаточно.

Они стояли на углу, где переулок от двора выходил на более широкую улицу. Трое. Не рыночный обход с ящиками для сбора — что-то отдельное: налегке, при оружии открыто, так же как у людей на Кузнечной неделю назад.

Передний поднял руку раньше, чем я успел свернуть в сторону. Будто ждал именно этого момента, а не случайно оказался на пути.

— Стоять.

Остановился.

Не послушался. Просто бежать от троих на открытой улице глупее, чем стоять и разговаривать.

— Что делал у гаражей?

— Искал провод. Медный дефицит.

Ложь была наполовину правдой, а значит, звучала убедительно. Я давно понял: чистая правда врёт хуже, чем полуправда, потому что в чистой правде не остаётся места для сомнения слушателя в свою же пользу.

Средний из троих шагнул ближе, разглядывая меня так, как разглядывают вещь, которую взвешивают перед тем, как решить, брать её или нет.

— Третий раз за месяц кто-то шастает у того двора. Соседи жалуются.

Я не знал, что за мной следили соседи. Новый и неприятный факт, который стоило запомнить точнее, чем сейчас позволяло время.

— Пусто там. Я же говорю — провод искал.

— Общем, — сказал передний. — Тогда и поговорим, врал ты или нет.

Третий, до сих пор молчавший, обошёл меня по дуге, отрезая путь обратно к переулку. Профессионально, без спешки — так двигаются люди, которые проделывали это много раз и не ждут сюрпризов.

— В последнее время у нас много новых правил, — сказал передний, будто извиняясь, хотя тон не был извиняющимся ни на градус. — Зачистка через три недели. Начальство нервничает раньше времени.

Я промолчал. Отвечать на это было нечем — не согласием, не спором, ничем, что не выдало бы больше, чем я готов был выдать сейчас.

Я быстро прикинул то, что можно прикинуть на глаз без интерфейса: рост, стойка, инструменты на поясе у каждого. Ничего утешительного эта прикидка не дала. Трое взрослых мужчин против одного безоружного — арифметика, которую можно не проверять дважды.

Обыск здесь означал не карманы вывернуть. Означал прижать к стене и бить, пока не станет ясно, стоит ли дальше разговаривать. Я это понял раньше, чем средний договорил фразу до конца, и шагнул назад в тот же момент, когда его рука пошла к моему плечу.

Не успел уйти полностью. Зацепил плечом, развернул. Ударил под рёбра коротко, без замаха, привычно — как бьют человека, который заведомо не ответит.

Воздух вышибло разом. На секунду мир сузился до звука собственной крови в ушах, и в этой секунде я успел подумать только одно: если сейчас ударит второй раз, вставать будет некому.

Ответил.

Не ударом — не было ни сил, ни техники, сравнимой с его. Просто упал ниже, чем он рассчитывал, и вместо груди его кулак прошёл над плечом. Оказался у него между ног, оттолкнулся вбок, к простенку между гаражами, где трое сразу не встанут.

Средний бросился следом.

Тяжелее и медленнее, чем ожидал по его комплекции секунду назад. Крайний слева тоже сдвинулся, но по большой дуге — брал в клещи, а не напролом.

Между гаражами и стеной оставалось метра полтора. Достаточно для одного человека, тесно для двоих плечом к плечу — я это помнил с первого визита сюда и сейчас впервые порадовался мелочи, которую записал скорее по привычке, чем по надобности.

Крайний справа поднял руку ладонью вперёд — жест, слишком отработанный для простого замаха. Короткая вспышка на костяшках, будто навык заряжался за долю секунды до удара.

Вспышка застыла. Не погасла — именно застыла, как кадр, который не может решить, доиграть себя или нет. Сам он замер на те же доли секунды следом за вспышкой, и этого хватило.

Проскочил мимо него в щель между гаражом и стеной. Узкую, ту самую, которую обходил накануне, проверяя двор, и запомнил на будущее не по плану, а по старой привычке запоминать все щели подряд.

Плечо ободрало о край гаражного листа.

Не остановился.

Кто-то из троих закричал позади — не команду, а просто звук, который вырывается у человека, когда план ломается быстрее, чем он успевает построить новый.

За спиной что-то с грохотом упало — то ли один из них зацепил бак с мусором, то ли просто споткнулся о собственную злость. Не оглянулся проверить.

Позади заматерились коротко и слаженно. Не паника — рабочая злость людей, не привыкших терять контроль над ситуацией дольше чем на секунду.

Гараж кончился обвалившейся стеной, за ней двор с бельевыми верёвками, три ряда, натянутые низко. Пробежал под первой, пригнулся под второй, третью не успел — рванул через неё плечом, оставив на ней клоч ткани с рукава и полосу жжения на шее.

Крики позади стали дальше. Двое, судя по звуку, а не трое — кто-то отстал, может, застрял в той же щели, что и я, только шире меня и не так удачно.

Хорошая новость. Первая за последние минуты.

Свернул в подворотню, знакомую с той стороны, с которой её не знал никто, кроме местных: короткий тупик, который тупиком не был, если знать про дыру в заборе на уровне колена.

Пролез, ободрал локоть об ржавую арматуру, торчащую из бетона. Не заметил боли до того момента, как оказался по другую сторону забора и перестал бежать.

За забором начинался ещё один двор, третий за последние минуты, и я нырнул в него так же слепо, как в предыдущий, полагаясь не на план, а на общее правило: чем больше поворотов между мной и погоней, тем меньше шансов, что кто-то из троих угадает следующий.

Три года топтания одних и тех же переулков наконец окупилась разом, все вместе, за одну перебежку.

Не зря, значит. Хотя что-то не зря.

Досчитал до тридцати, не двигаясь. Шагов не было. Голосов не было. Только собственное дыхание, слишком громкое для того, чтобы доверять слуху ещё хотя бы минуту.

Локоть кровил несильно, но заметно.

Рёбра справа отзывались на каждый вдох тупой болью — не сломано, судя по тому, что дышать вообще получалось. Но не мелочь тоже.

Три минуты. Может, четыре — не засекал, только чувствовал, как внутри всё ещё трясётся то, что должно было остановиться раньше.

Вспышка на костяшках застыла на этот раз медленнее, чем я помнил по первому опыту, тогда, при демонстрации. Баг срабатывал резко, как обрыв провода. Сегодня — будто провод перетёрся наполовину и держит ток через раз.

Не факт. Один раз — не статистика, и делать вывод из одного применения так же глупо, как делать вывод из одного визита к мёртвому двору. Но записать стоило оба наблюдения рядом: если оба окажутся верны, совпадение перестанет быть совпадением.

Долго берёг этот трюк для того момента, когда без него точно не выжить. Сегодня момент настал сам, без спроса, и трюк сработал — но с задержкой, какой я не помнил по первому разу.

Система патчит тихие баги после применения — это я знал давно, теоретически, как знают про дождь, не выходя на улицу. Сегодня, кажется, вышел под этот дождь в первый раз и промок сильнее, чем ожидал.

Отряхнул с колен труху, поднялся, проверил карманы. Нож на месте. Блокнот на месте. Три года ношу с собой ровно то, без чего можно обойтись день, но нельзя обойтись неделю, и это по-прежнему работает.

Проверил ещё раз, тщательнее. Руки делали это сами, без команды, — тело, кажется, знало о случившемся больше, чем я успел ему сообщить вслух.

Идти решил не самым коротким путём. Самый короткий путь домой вёл обратно мимо угла, где всё началось, а туда не хотелось ещё довольно долго.

Мимо шли обычные люди по обычным делам, не замечая ничего необычного во мне, кроме, может, слегка неровной походки. Это тоже было частью привычной работы. Выглядеть так, будто ничего не случилось, даже когда случилось всё.

Мастерство, которому нигде специально не учат. Осваиваешь само, если условия достаточно настойчивы.

До дома добирался круглым путём, дольше обычного, проверяя тени за собой чаще, чем требовала ситуация. Привычка, которая сегодня хотя бы имела основание.

Дверь запер. Ниша за плиткой на месте, батарейки на месте — за последние дни это стало ритуалом важнее чая.

Промыл локоть остатками воды, которую берёг для другого. Рёбра перемотал полосой ткани, оторванной от старой рубашки, туго, но не настолько, чтобы дышать стало хуже, чем без повязки.

Рубашка была той самой, которую не выбрасывал давно, по той же причине, по которой Гоша не выбрасывает часы без стрелок. Хорошо, что нашлось применение получше, чем лежать в углу и напоминать.

Руки почти не тряслись, когда закончил. Почти — не то же самое, что совсем, и это стоило отметить без особого удивления.

Достал блокнот. Записал дату, слово «тройка», рядом — слово «люк». Между ними ничего не написал: связи ещё не было, только два факта, которые почему-то хотелось держать на одной странице.

Три года я был невидимым, потому что Система не видела в упор. Сегодня в первый раз подумал, что невидимость — не то же самое, что безопасность. Просто раньше разница между ними не имела значения.

Двадцать три дня из тридцати. Число само подставилось в голову, хотя я его сегодня не считал, — стало привычкой быстрее, чем хотелось бы.

Ужин пропустил. Голод почувствовал только сейчас, тупой и далёкий, будто принадлежал кому-то другому.

Свеча догорала. Сидел в темноте дольше, чем требовалось, потому что вставать означало признать: день закончился, а я к этому пока не был готов.

ГЛАВА 9. НАВСЕГДА МЕЖДУ НАМИ

Три дня после Кузнечной я не проверял щепку в кладке у котельной. После тройки на углу — тоже. Сначала болели рёбра, потом было лень, а потом лень превратилась в привычку, которой я не горжусь.

Сегодня пошёл. Не из любопытства — из того самого разговора с собой после тройки, о невидимости и безопасности, который никак не хотел заканчиваться сам по себе.

Утро выдалось из тех, что не решают, зима сейчас или уже весна: под ногами хрустело, а с крыш капало одновременно, будто город тоже не мог определиться.

Батарейки, которые купил у Гоши, потратил экономно — по одной раз в два дня, только на короткую проверку интерфейса перед выходом. Оставалось четыре. Хватит ещё на две недели такой жизни, если обстоятельства согласятся вести себя предсказуемо, чего они последней время упорно избегали.

Двор у котельной встретил тем же обломком стены по грудь и видом на три из четырёх переулков разом. Спина к глухой кладке — привычная точка, обжитая настолько, чтобы знать её на ощупь в темноте.

Присел на корточки у шва, где оставлял щепку. Провёл пальцами по кирпичу — раз, другой.

Пусто.

Не выпала — вынута. Край шва подчищен, будто кто-то специально стряхнул труху, чтобы я сразу заметил разницу, а не гадал, унёс её ветер или человек.

Отступил на шаг, прикидывая пути отхода.

Три из четырёх — не значит все четыре.

— За той стеной, — сказал голос сзади, ровный, без нажима. — Не оборачивайся так резко, я не собираюсь бить тебя чем-то тяжёлым.

Обернулся резко — вопреки совету, потому что советы от людей, которых не видишь, доверия не вызывают по умолчанию.

Рука уже тянулась к ножу за поясом, хотя разум ещё не решил, понадобится ли он.

Она сидела на деревянном ящике в трёх шагах, там, где секунду назад точно никого не было. Ящик — плотно сбитый, с остатками наклейки консервного завода на боку, судя по весу и запаху из щели — не пустой.

Среднего роста, в тёмном — чёрное с серым, ничего яркого, ничего лишнего, капюшон откинут на плечи, а не на голову, будто ей важнее было, чтобы я видел лицо, чем чтобы прятаться самой. Волосы тёмно-русые, стриженные коротко и явно не для красоты — так стригутся те, кому важно, чтобы прядь не лезла в глаза в неподходящий момент.

Лицо сухое, скулы резче, чем бывают у людей, которые едят досыта. Глаза карие, светлые почти до рыжины на солнце, но сейчас, в тени двора, просто тёмные. Кожа бледная, без загара — работает, видимо, больше ночью, чем днём.

Куртка потёртая на локтях ровно там, где протирается от долгого лежания на земле или на крышах, а не от старости вещи. Шрам под правой челюстью — старый, ровный, будто его оставил хирург, не нож. Она поймала мой взгляд на шраме и не сказала о нём ни слова, и это молчание было красноречивее любого объяснения.

На бедре — нож, рукоятью наружу, удобно для правой руки. Второй, наверное, где-то ещё, раз один показан открыто. У пояса моток тонкой верёвки и фонарь с чем-то тёмным на линзе — самодельный светофильтр, красный, судя по остаткам краски на ободке.

Двигалась она, даже сидя, экономно — ни одного лишнего смещения веса, будто тело давно разучилось тратить силы просто так.

Между нами, на снегу, лежала моя щепка. Ровно там, где могла бы упасть, если бы её просто вынули и бросили, не глядя, куда.

— Три недели, — сказала она. — Обычно проверяют быстрее.

— Ты нашла её.

— Я её и вынула. — Она не улыбнулась, произнося это, но и не выглядела так, будто извиняется. — Тест был неплохой. Простой, дешёвый, не требует объяснений, если его найдёт не тот человек.

— Значит, ты — тот человек.

— Сова, — сказала она вместо ответа, и через секунду я понял, что это и был ответ — просто на вопрос, который я ещё не задал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.